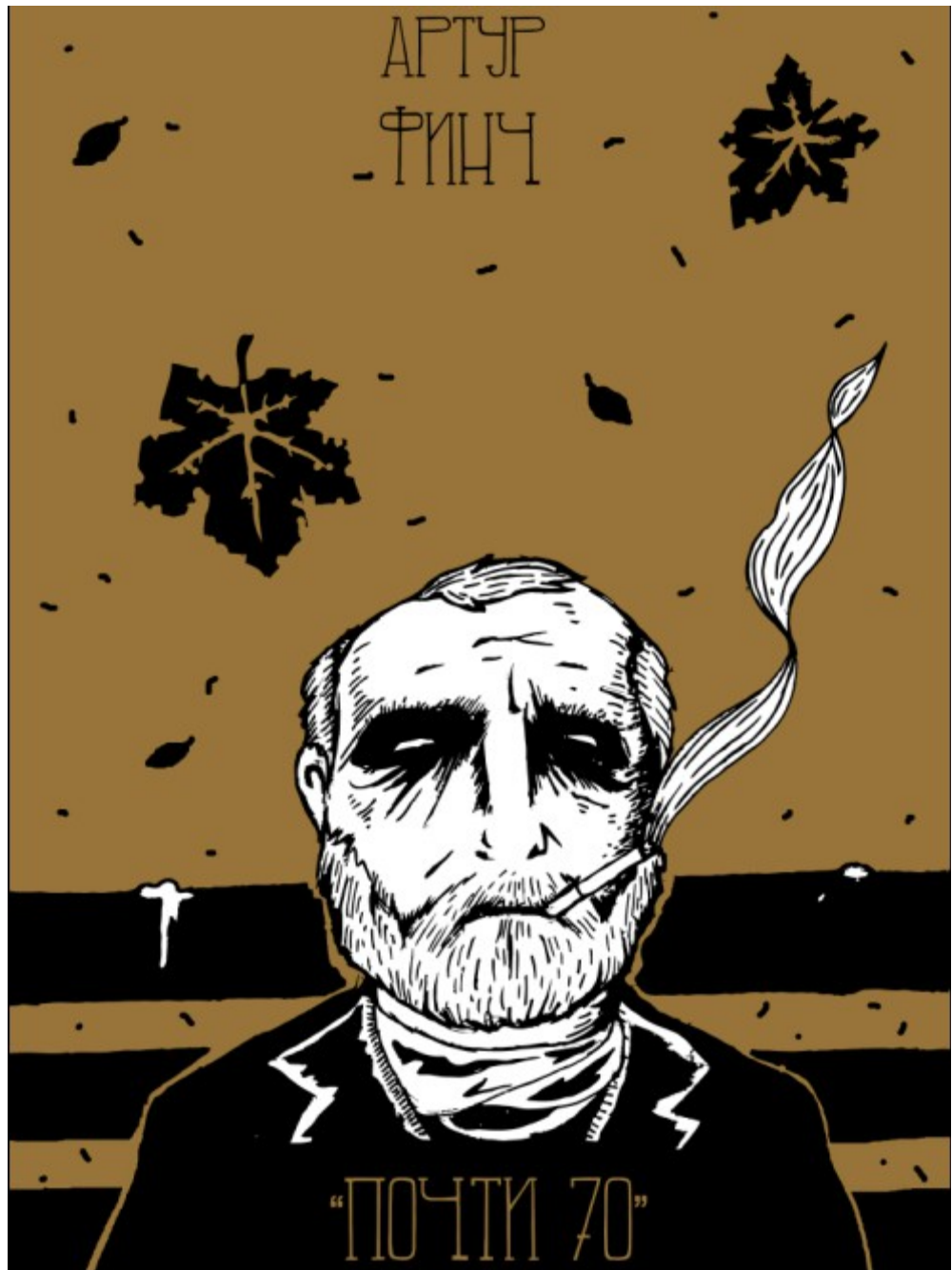

Артур Финч

«Почти 70»

Посвящается тебе.

Предисловие

Ну, вот и все. Роман написан, в голове копошатся другие, просто фантастические, как мне кажется, идеи. И настало время показать его вам. Я понял, что хочу всю жизнь только писать, когда осознал одну вещь. Как человека может не удивлять возможность создавать новые жизни, новые судьбы, новых людей? Ты сам решаешь, какими эти твои люди будут, кем они будут. И это не просто меня удивляет. Такая возможность — нечто особенное, отчего я никак не могу отказаться.

Я писал эту книгу почти два года. От начальной задумки не осталось практически ничего. Постоянно приходилось что-то менять, что-то переписывать, а что-то вообще — удалять. Но я не жалею, что сделал роман именно таким, хотя, думаю, все это он решил за меня. Все получилось так, как получилось. Переделывать уже смысла нет, потому что это будет совершенно другая история.

Я очень надеюсь, что эта книга оставит хоть какой-то отпечаток в вашей памяти, как оставляли другие книги. Я предлагаю вам просто отложить все дела хотя бы часа на два, а потом сесть и прочитать ее, не отвлекаясь на тот мир, который окружает вас. Ведь я писал роман именно для того, чтобы выдернуть вас из вашей реальности и поместить на какое-то время в другую. Пускай на время чтения, но переместить. И если мне удастся заставить вас прочувствовать то, что чувствовали люди в моей книге, тогда я действительно буду счастлив.

Вперед. И удачи.

Артур Финч

«Почти 70»

Часть I

Глава 1

— Бинго! Я снова победил! — кричит Валентин, вскакивая со стула.

Никто не обращает на него внимания. Он кривит свое старое, как сам мир, лицо и с умным, но разочарованным видом садится обратно на свое место.

Все знают, что Валентин не умеет играть в «Бинго», но все также знают, что он давным-давно выжил из ума. Это было бы грустно, но это не так, здесь все такие.

— Бинго, — снова кричит он. К нему подходит толстая медсестра, сначала что-то говорит ему, а затем уводит Валентина в его палату. В нашу с ним палату. Ему все равно. А мне тем более.

Маргарита – женщина, которая достает бочонки из мешка, выглядит так, словно сейчас рассыплется на маленькие песчинки, но она раз за разом сует руку в мешок и громко говорит: «ВОСЕМДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ».

Я просто сижу и рисую в своем блокноте, на котором изображен старик Лавкрафт, сидящий возле моря. Где-то, цепляя горизонт, плывет старый, побитый временем корабль, а позади него поднимаются большие волны, из которых выглядывают огромные щупальца. Я рисовал бы гораздо чаще, если бы не руки. На них противно смотреть. Если судить по рукам, то мне не меньше трех сотен лет. Может, так оно и есть.

Маргарита кричит:

— Четырнадцать!

Все головы опускаются, и глаза стариков лениво бродят по карточкам в поиске числа четырнадцать. Кто-то что-то черкает на своей карте. Все остальные заняты чем-то своим. Некоторые сидят в самом углу зала, возле окна и слушают радио. Чуть дальше от них сидит старик, который не умеет разговаривать. Во всяком случае, все так говорят. Но мне кажется, ему просто не о чем с нами беседовать. Он единственный нормальный человек в этом заведении. Никогда не станет рассказывать тебе о своей утраченной молодости или о детях. Просто сидит, словно ничего вокруг него и не существует. Но он здоровый парень, отличный тип. Я зову его Герасим.

— Сорок четыре, — говорит Маргарита и поднимает маленький бочонок над своей головой.

— Я выиграла! — вскрикивает древняя женщина. Это Светочек, как она сама себя называет. Она радуется так, будто выиграла путевку обратно в молодость, где у нее все еще есть зубы, а кожа и грудь еще не висят. Где у нее все еще есть любящий муж, красивый дом, дети, которые в будущем упекут ее в дом престарелых, и все остальное, о чем в старости можно вспоминать с улыбкой на своем древнем и уродливом лице. Ее поздравляют, и решается, что на сегодня игр достаточно. Скоро обед, а потом начнется сериал, который переживет их всех, и меня в том числе.

Возле поста медсестры крутится Виктор Олегович – бывший майор милиции, крыса, заработавшая свою большую звезду тем, что сидел 30 лет в офисе и подписывал всякие якобы важные бумажки. Он осыпает медсестру комплиментами, а та глупая идиотка кокетливо улыбается и прикрывает рот рукой. Виктор Олегович действительно

считает, верит в то, что нормальная женщина может ему улыбаться, не испытывая жалости. Станный. А скорее всего — невыносимо глупый тип.

Тем временем кто-то включил телевизор. Он начинает громко шипеть как сумасшедшая змея, но прежде чем кто-либо успевае́т начать возмущаться, все прекращается. К этому невозможно привыкнуть.

А там все та же чушь, что и обычно.

Я продолжаю рисовать. Получается совсем уродливо. Даже Валентин нарисует лучше. Я сжимаю листочек с уродским рисунком и кладу его себе в карман, затем достаю другой, чистый и пытаюсь рисовать снова.

Уже скоро будет обед. Почему-то здесь это очень ценится. А по мне, так лучше пойти и наесться всякого дерьма с помойки возле забегаловки напротив, чем питаться в этой столовой. Ну да ладно, вкус варева терпеть еще можно, но вас точно вырвет, если вы посмотрите на женщину, которая все это готовит. Это огромная, как скала, бабища, да и вид у нее такой грозный, что кажется, она готова изрубить вас в мелкие кусочки и добавить в суп, если вы хоть что-то твякнете по поводу ее стряпни.

Но старикам нравится. Некоторые еще и умудряются просить добавки. Вообще столовая и то, что там происходит — это отдельная тема. Я вернусь к ней позже, если будет такая возможность.

Все эти бывшие полицейские, официанты, продавцы, страховые агенты, строители, слесари, инженеры, машинисты, плотники, сварщики, всякие офисные планктоны, учителя, военные, безработные лентяи, — они все напоминают мне детей. Поэтому я и зову это место *домом старых детей*.

Если подумать, то у стариков и детей не так уж и мало различного. Они похожи буквально во всем... Мои мысли обрывает выходящая из столовой Скала. Она останавливается возле медсестры, перебрасывается с ней парочкой совершенно бессмысленных и неинтересных предложений, а потом громко, чтобы все слышали, кричит:

— Пора на обед, уважаемые!

Какой же у нее противный голос, вы бы только знали. Напоминает старую, ржавую калитку, которую некому смазать.

Тотчас старики идут по своим палатам, может показаться, что они медлят, но они летят изо всех сил. Они берут тарелки, ложки, алюминиевые чашки, и направляются в сторону столовой. Некоторые из них кажутся действительно счастливыми. Например, Валентин, который старается попасть в столовую быстрее всех.

А я продолжаю рисовать. Все так же не получается.

Ко мне подходит молоденькая медсестра. Она здесь меньше недели, совсем неопытная. Я не знаю ее имени.

— А вы почему не идете кушать?

Это ужасное, привезенное из глубокой глуши, произношение все портит. Если раньше она могла показаться пускай не умной, но и не совсем тупой, то теперь передо мной стоит не медсестра, а типичная доярка с ведром молока, где уже успело утонуть два десятка мух.

Лучше бы ты молчала, думаю я, и продолжаю рисовать.

Ее произношение сидит у меня в голове и теперь все на свете мне кажется еще уродливее, чем есть на самом деле. А мой рисунок... о нем и говорить не стоит. Я разрываю его, ложу в карман и говорю:

— Уже бегу.

Есть на свете только две вещи, которые могли бы мне показаться отвратительней моего рисунка и ужаснее произношения этой девушки. Это фильм «Элвин и бурундуки» и слово «кушать». Я даже представить себе не могу, что может быть ужаснее, чем фраза «Я

кушаю сосиски». Произнесите эту фразу вслух, и если вам не захочется ударить себя по губам, то сожалею, дела ваши плохи.

Но не суть.

В столовой так, как было раньше в школе. Никому ненужные неудачники садятся рядом с подобными себе. Женщины, считающие себя красавицами, тоже сбиваются в небольшие группы и едят, рассуждая о главных, как им кажется, вещах. Возле них постоянно крутятся такие личности, как Виктор Олегович – тот самый майор милиции, который все еще считает себя молодцом.

Стены синие, столы и стулья – грязно-серые, и нет на свете вещей, угнетающих сильнее, чем эти. Но мне приходится садиться на этот гадкий инструмент угнетения. Я сижу один. Но счастье не может быть вечным и через несколько минут ко мне подходит Валентин. Он садится и молча начинает жевать беззубым ртом свою кашу с желтой, как понос, подливой. Он ест неаккуратно, пачкая рот и руки, но его это мало волнует, в принципе, как и меня. Есть совершенно не хочется, и я говорю:

— Не хочешь мою кашу, дружище?

Он хочет, всегда хочет. Наверное, он может есть до тех пор, пока у него не треснет желудок. Он совершенно безумен, но это неважно, потому что Валентин – безобидный старый дурак. Я его люблю. Наверное.

— Не знаю, я хочу твою кашу?

— Ты хочешь мою кашу.

Он всегда переспрашивает. Может показаться актом вежливости, но нет, он просто не может самостоятельно принимать решения в таких вопросах. Даже когда ему хочется в туалет, он должен подойти к медсестре и спросить: «А нужно ли мне пописать?».

Я отдаю ему свою тарелку, а сам попиваю компот из сухофруктов. На вкус, как вода из заржавевшего крана.

— Эта еда вкусная? — спрашивает, хотя скорее утверждает Валентин.

— Эта еда безумно вкусная, дружище.

Он улыбается во весь рот и немного каши падает обратно в тарелку.

Как настоящий ребенок.

Только старый и сморщенный. Как Бенджамин Баттон.

Надеюсь, ужин будет получше, чем обед, хотя не стоит напрасно надеяться на Скалу. Она совершенно не умеет готовить.

После сытного, вкусного, непревзойденного обеда, они снова собираются играть в «Бинго», хоть и говорили, что сегодня игр больше не будет. А я снова хочу порисовать. Терпеть не могу «Бинго». Потому что для того, чтобы выиграть, здесь не нужно ничего уметь. Ты просто сидишь и ждешь, ты не в силах ничего изменить, просто смотришь на свои карточки, иногда что-то черкаешь на них и редко, крайне редко кричишь: «БИНГО!».

— Тридцать два! — кричит Маргарита и поднимает бочонок вверх. Понятия не имею, зачем она это делает. Никто из них не видит ничего, что находится дальше их рук.

Остальные смотрят телевизор, который опять, немного пошипев, заработал нормально. Эти передачи шли много лет назад, они идут до сих пор. Только теперь они стали еще невыносимей. К счастью, я даже вспомнить не могу, когда смотрел этот говорящий ящик дольше 10 минут.

Я забираю свой листик, маленький, почти до конца сточенный карандаш, и собираюсь пойти на улицу, немного проветриться и покурить. Я зашел в палату, взял почти полную пачку красного «Винстона» и направился на улицу. Меня всегда выпускают

без лишних разговоров. Все просто: чем лучше ты себя ведешь – тем лояльней отношение к тебе.

Сегодня замечательный день. Уже сентябрь, но солнце все еще припекает, словно отпевает свою прощальную песенку, прежде чем уступить место на сцене октябрю. Солнечные аккорды и яркий, сочный ритм радует сердце. Я сажусь на лавочку и подкуриваю сигарету. Дым медленно проникает в легкие, щекочет их изнутри.

Я поднимаю голову вверх и там, где верхушки этих старых деревьев упираются в небо, беззаботно плавают тучи. Они плывут себе, они свободны, как и дым, которому уже наскучили мои легкие. Я выдыхаю его, отпуская во вселенную. Живи себе, дружище.

Тучи и дым.

Они плывут и плывут куда-то в сторону, куда-то за горизонт. И я думаю о том, что неплохо было бы родиться тучей.

Глава ?

Мама постоянно кричала, потому что она действительно любила кричать. Она кричала на меня, на Чайку, на отца, на мебель и на все остальное. Она не была сумасшедшей, ни в коем случае, просто она уж очень сильно любила кричать. Наверное, она и в детстве такой была, и я иногда пытался представить, какая из мамы получилась бы бабуля. Наверное, самая крикливая старуха на свете.

Но все же кричала она не так часто, как могло показаться сразу. Только иногда, но ничего веселого или хотя бы забавного в этом никто из нас не видел. Очень часто после этих криков отец уходил из дома. Уходил недалеко, просто всю ночь сидел в своей мастерской, пытаюсь починить там что-то сломанное, или, может, сделать что-то новое. В этом и был весь отец. Отец был мастером на все руки, как бы банально и затерто это ни звучало. Мастерская находилась возле гаража, рядом с домом. Он уходил туда, когда кое-кто срывал на нем всю свою злость. Он никогда не отвечал тем же, просто молча слушал. А потом просто вставал и уходил, даже дверью не хлопал. В мастерской отец много курил и много думал, но больше курил. Иногда он что-то мастерил, например, однажды, он сделал настоящую газонокосилку, не покупая никаких запчастей. Кое-что у него было, а кое-что он находил на свалке, куда время от времени вывозил всякий хлам. Иногда отец брал нас с Чайкой на эту свалку, и мне казалось, что это самое удивительное место на всей земле. Там можно было найти все, что угодно. Старые телевизоры, радиоприемники, магнитофоны, стиральные машины и кучу других интересных штук.

Однажды, отец сделал мне настоящий скейтборд, собственноручно. Доска получилась не хуже, чем в магазинах. Только пришлось снять колеса из моего игрушечного «Белаза», но оно того стоило. Я радовался так, как не радовался до этого никогда, пока не грохнулся и, чуть было не рассадил об асфальт свою головешку. Мне еще повезло, ведь я мог упасть и расколоть мою голову как орех, тогда врачам бы пришлось раздвигать две половины моего черепа, чтобы я мог дышать. Если бы я еще был жив, конечно.

Тогда мама кричала сильнее обычного. Крови было немного, но она стекала по лицу и, казалось, что я весь в крови. Я не плакал, это я помню точно. Мне не хотелось, чтобы она кричала на отца из-за того, что я неспособен устоять на доске. Врач сказал, что со мной все будет в порядке, и что я просто несильно рассек кожу на лбу. Отец отнес доску на чердак и где-то там спрятал ее, потому что после этого, я больше никогда ее не видел.

Мне было 15 лет.

Мама кричала на отца. Громко и обидно.

А он просто сидел, только изредка отвечая ей что-то.

За ужином отца не было, мы ели молча. Ни Чайка, ни мама не проронили ни слова, и хотя я знал, что папа был в мастерской, я все равно спросил:

— Почему папа не идет ужинать?

Мама зло посмотрела на меня и я все понял. Лучше бы мне, маленькому идиоту, заткнуться. Я так и сделал.

— У тебя не болит голова? — спросила мама, оторвавшись от ужина?

Я сказал «нет», и это было правдой. Голова не болела, я ударился не сильно, не стоило из-за такого пустяка устраивать такой скандал. Но это мама. И она просто любила кричать.

На улице начинало темнеть, я вышел на крыльцо, а за мной вышел Чайка, хлопнул меня по плечу, пожелал спокойной ночи и пошел гулять.

— Пока, — сказал я и направился в мастерскую к отцу.

Внутри было много-много дыма, захотелось кашлять, но я не стал. Отец сидел в старом, пожеванном кресле и что-то читал.

— Как дела, Па? — спросил я, и чуть не закашлялся.

Он посмотрел на меня и улыбнулся:

— Все отлично. Как твоя голова?

— Она уже не болит, да и не болела если честно. Принести тебе что-нибудь поесть?

— Я не голоден, — сказал он мягким голосом.

Я еще немного постоял, рассматривая всякие шестеренки, болты, разобранные моторы из мотоциклов и прочие железяки.

— Спасибо за скейт, — сказал я и вышел, не дожидаясь ответа.

Я вышел и весь провонялся сигаретным дымом. Этот дым, к слову, был одной из основных причин маминых криков. Она не переносила сигарет, поэтому если отец курил перед тем, как войти в дом, то криков не избежать.

Но ему было плевать.

— Опять накурился, — кричала мама в такие моменты, — посмотрим, как ты запищишь, когда схлопочешь себе рак легких!

Ну и дальше в этом же духе.

А отец просто сидел и смотрел в окно, наблюдая за машинами, которые время от времени проезжали возле нашего дома.

Если ему надоедали эти крики, он просто вставал и уходил в свою мастерскую. А рано утром возвращался, принимал душ, переодевался и уходил на работу.

Я проснулся от маминых криков. Такое бывало иногда. Я включил свет и увидел, что кровать Чайки пуста, значит, кричали на него. Я спустился вниз, стараясь идти тихо, чтобы меня не заметили и не отправили обратно в постель. Возле двери стоял Чайка. Хотя стоял – не совсем то слово. Он опирался на дверь и улыбался как настоящий идиот. Казалось, в тот момент ему было плевать на все, что происходит вокруг, похоже, так оно и было. А мама. Мама была вне себя от ярости.

— Идиота кусок, ты пил?

Он никак не реагировал на ее слова, улыбка уже сошла с его лица, и теперь он просто стоял, потупившись в пол.

— А ты чего молчишь? — обратилась мама к отцу. — Или ты считаешь, что это нормально? Сын – алкоголик!

Мама любила преувеличивать точно так же, как и кричать. Может, и сильнее.

Но отец просто стоял рядом с Чайкой, поддерживая его, чтобы тот не грохнулся на пол.

— Это просто какой-то дурдом! — все не унималась мать. — Я уже не знаю, что мне делать!

Я побежал в комнату, а через несколько минут отец завел Чайку и положил его в постель, не говоря ни слова. Чайка лег и тут же заснул, во всяком случае, он храпел, как трактор, вытягивающий машину из болота.

Отец спустился вниз, о чем наверняка пожалел.

Тут-то и началось.

Чайка никогда не приходил домой, так нажравшись, и никогда до этого в нашем доме не было таких ссор.

Этой ночью я впервые услышал, как кричит отец. Стало жутко. Я думал о том, как мы будем жить, если родители разведутся. Кто кому достанется. Интересно, я останусь с отцом или с матерью? Наверное, все же с мамой, потому что Чайка уже взрослый, о нем не нужно заботиться так, как обо мне. Так я думал под аккомпанемент криков.

А потом дверь хлопнула. Грякнуло так, что стекла чуть не повывлетали. Отец ушел.

Надеюсь, отец ушел в мастерскую, а не от нас, подумал я и постарался уснуть.

Мое утро наступило не с пения птичек, я проснулся из-за короткого, но громкого вскрика. Мама крикнула. Опять.

Чайка проснулся тоже. Это был не такой крик, как раньше. Может, я и не совсем разбираюсь в криках, но этот крик был больше похож на испуг.

Мы мгновенно слетели с кровати и побежали вниз, дверь была раскрыта настежь. Почему-то я сразу понял, что нужно идти в мастерскую. Мама была там. Она сидела на полу, где лежал отец.

Тогда я не знал, жив он или нет. Но мне стало дурно. Там воняло дымом, бензином и прочей гадостью. А на полу лежал отец. Меня словно парализовало, я не знал, что делать, не знал, что говорить. Я просто смотрел, как мама гладила отца по лицу.

Через несколько минут приехала скорая. Я не знал, когда мама успела ее вызвать, но она приехала и несколько врачей уже успели забежать в мастерскую. В тот момент, мне казалось, что это самый жуткий день в моей жизни. Мысли лезли друг на друга, я думал о похоронах, о том, во что будет одета мама. Будет ли она винить себя в его смерти? Как скоро она заведет себе нового мужа? К каждой этой мысли в моей голове прикреплялась картинка. Вот я вижу, как мама плачет на похоронах, она держит меня за руку, а Чайка крепко прижимает ее к себе.

Мои мысли рассеялись, когда я увидел, что отца на носилках грузят в машину. Все делалось очень быстро, а это значило, что он еще жив и они смогут его спасти. Мысли о похоронах показались мне предательскими, я возненавидел себя на несколько секунд. Мама подбежала к нам и сказала:

— Все будет хорошо, обещаю. Оставайтесь дома, я позвоню с больницы.

Она поцеловала нас и запрыгнула в скорую помощь.

Я посмотрел на Чайку, он не проронил ни слова, словно забыл, как говорить. Скорая включила сирену и рванула так быстро, что скрылась с виду уже через несколько мгновений. Но мы все еще слышали этот вой сирены, пробирающийся прямо внутрь моей головы. А мы все так и стояли возле мастерской, не в силах поверить собственным глазам. Сирена до сих пор завывала в голове, и мне казалось, что я сейчас сойду с ума.

— Они поссорились из-за меня, — еле слышно произнес Чайка, — это я виноват.

Я не стал его успокаивать, все казалось мне таким нереальным, таким неестественным и неправдоподобным, как сон.

Глава ?

— Давай покурим, — сказал Чайка, поднимая с пола в мастерской отцовский красный «Винстон».

Я не курил, но тогда мне казалось, что можно, что это даже необходимо. И пока я размышлял над этим, Чайка уже затянулся и закашлялся. Я проделал то же самое и тоже закашлялся. Тогда я подумал о том, что никогда в жизни больше не возьму в рот сигарет.

— Как думаешь, все будет хорошо? — спросил я, не умело выдыхая горький дым.

Он молчал, Чайка нервничал. Он ходил туда-сюда по мастерской, то и делая, что перекладывая всякие шестеренки, болты, гайки с места на место.

Но я сам знал, что все будет хорошо, потому что все плохое всегда случается с кем-то другим, это не может произойти с нами. Я вышел на улицу, на свежий воздух.

«Да все будет отлично, по-другому просто быть не может», говорил я про себя. Сидел на бордюре возле нашего двора и смотрел в сторону, куда уехала скорая. Как в дешевом фильме.

Мы уже сидели в комнате, смотрели совершенно несмешное комедийное шоу для отборных дегенератов, и просто ждали звонка. Телефон лежал рядом. Он не хотел издавать ни звука, словно он — вернувшийся из Германии советский пленник, а мы — главные следователи, но этот телефон оказался настоящим крепким орешком. Я все время смотрел на него, даже не обращая внимания на ящик.

Казалось, телефон вот-вот зазвонит.

— Отец умер, — говорит мама совершенно спокойным голосом, — во всем виноваты вы.

— Мамочка, ты чего? Что случиииииииилось?

— Ничего. Он просто умер, понимаешь? Скончался.

— Ну ладно, — сказал я, — давай, пока.

Но телефон лежит там, где и лежал все время.

Чайка берет трубку и говорит:

— Алло? А! Ну что там, мам?

— Ага, ну хорошо тогда.

Он кладет телефон на стол, достает с кармана свою бабочку и режет себе запястье, глубоко вгоняя лезвие. Кровь хлыщет на штаны, на диван, оставляя красные, почти черные пятна. Но лицо его никак не меняется, он все так же смотрит дурацкое шоу и не говорит ни слова.

Но телефон остается на прежнем месте.

Чайка переключает идиотскую передачу на еще более идиотский сериал.

А потом телефон действительно зазвонил. И Чайка тут же схватил трубку:

— Алло? — почти что шепотом проговорил он.

Я не слышал, что говорили на другой стороне провода, я просто смотрел на лицо Чайки, надеясь узнать все по его эмоциям.

— А когда нам можно будет приехать?

На его лице появились еле заметные очертания улыбки.

— Ничего себе. А как он сейчас?

Значит, все хорошо. Мама не кричит, иначе я бы слышал ее даже сюда, а еще это значит, что с отцом все в порядке, если Ч. спрашивает как он там.

Теперь улыбнулся и я.

— Хорошо, мам. Звони если что. А отцу говори, чтобы скорее поправлялся.

Он положил трубку обратно на стол, потом подошел к шкафчику возле телевизора, достал оттуда отцовский револьвер и сказал, приставляя дуло к виску:

— Это я во всем виноват.

Но ведь все было хорошо. Поэтому револьвер так и остался лежать там, где и должен. Если бы он вообще существовал, конечно.

— У отца был сердечный приступ, но мама говорит, что с ним все будет нормально.

— Серьезно?

— Ага, — говорит он, широко улыбаясь, — но мама еще побудет с ним некоторое время.

— Так это же здорово, реально здорово! — крикнул я, вскочив с кровати.

— Да, дружище.

В больнице пахло так, как пахнет во всех больницах — ужасно. Мы с Чайкой сидели в холле и ждали, пока к нам подойдет мама и ответит к отцу в палату.

— Интересно, сколько людей здесь уже умерло, скажем, за последние лет 10? — спросил Чайка скорее сам у себя.

— Наверно, наберется огромная куча. — ответил я.

— Это точно. Может, мы вот сейчас с тобой болтаем, а где-то в какой-нибудь палате умирает какой-нибудь мужик.

Может, так оно и есть, подумал я.

— Вот он уже получает первый разряд этой штуковиной, как ее...а! Дефибриллятором! И все равно продолжает умирать.

— Можешь написать об этом историю, — сказал я.

— О чем именно? О том, как умирает какой-то мужик? Так каждая вторая книга об этом и написана. Потому что остальные — про то, как умирает какая-то баба.

— Ну, — говорю я, — ты можешь быть оригинальнее. Напиши от лица мухи, например, которая летает в той самой палате, где умирает какой-то мужик.

Чайка задумался. Но не успел ничего ответить, потому как пришла мама и принялась нас душить в своих крепких объятиях.

— Ну, скорее пойдем, мальчики! — сказала она, расцеловав нас обоих.

Я схватил свой рюкзак и последовал за мамой, Чайка плелся за мной, видимо, все еще думая про того умирающего от — рака, туберкулеза, пневмонии, заражения крови, от скуки — мужика, в комнате которого летает какая-то муха и наблюдает за всем этим.

Выглядел отец отлично, может, еще и лучше, чем до больницы.

— Привет, па, — сказал я, входя в палату и сжав его руку.

Такие уж у нас были отношения, тем более мне не 8 лет, чтобы он меня целовал или что-то такое.

— И вам привет! — поприветствовал нас отец.

Некоторое время, наверное, целых секунд 4, мы все молчали, просто стояли там и улыбались, то ли от осознания того, что все хорошо закончилось, но скорее всего, ни я, ни Чайка просто не знали что сказать.

— Я схожу к врачу, он просил зайти, — наконец сказала мама, и вышла.

Когда она удалилась, я достал из своего рюкзака пачку легких сигарет и протянул их батю. Он удивился.

— Спрячь под подушку, чтобы мама не пришла нас обоих, — проговорил я и улыбнулся.

— А я всегда любил тебя больше, чем Чайку, — пошутил (а может, и нет) отец, глядя на остолбеневшего от непонимания происходящего Чайку.

Отец рассмеялся только тогда, когда спрятал сигареты под матрас.

— Спасибо, — вдруг сказал он, и через секунду добавил: — хоть сигареты и детские.

Для него все сигареты кроме красного «Винстона» — детские. Поэтому я только улыбнулся.

Мы немного поговорили о чем-то совершенно несущественном, а потом пришла мама. Она держала в руках исписанный красной пастой лист бумаги. Он был весь измят, словно какой-то раненый военнопленный.

— Это список лекарств и того, чего делать тебе категорически нельзя. Слышишь, ка-те-го-ри-чес-ки. Вот, посмотри как выделен пункт «курить», понимаешь о чем речь?

Батя только улыбнулся.

— А когда его выпишут-то? — Чайка, наконец, забыв о том мужике, вернулся к нам.

— Ну, — говорит мама, — парочку дней полежать еще придется точно.

— Они что, сумасшедшие? Да я на этих харчах больше суток не протяну!

Отец наиграно вздохнул.

— Будто тебя плохо кормят. Не выдумывал бы лучше, — неожиданно ласково сказала мама.

Станным было то, что мама совершенно не повышала голос, он был ровным, даже тихим. Думаю, не один я заметил эту необычную перемену.

Еще некоторое время мы побыли в палате, было решено, что мы втроем едем домой, и как мама ни возражала, отец стоял на своем.

И я понимаю почему.

Когда мы прощались, собираясь уже уезжать домой, отец подмигнул мне правым глазом, и знаете что? Это самое близкое, что происходило между нами за всю мою жизнь.

Второй этаж, направо по коридору, палата номер 6.

Просто запомнилось.

Глава ?

Похороны Валентина

На этих похоронах не плакал никто.

Погода стояла солнечная, ветер занимался своими делами, может, остуживал океан, во всяком случае, нас он не трогал. Такая погода абсолютно не подходит для похорон.

Родственников у Валентина не было, а нас всех просто попросили сходить, хотя я бы и так пришел. Эти похороны были самыми тихими в моей жизни, никто не проронил ни слова. Не было ни священника, ни кого-либо, кто мог бы толкнуть речь в такой момент. Хотя, наверное, оно и к лучшему.

Гроб достали из катафалка, и некоторое время он стоял открытым. Зрелище было не из приятных. Валентин походил на старую сморщенную картофелину, которую закопают обратно в землю, ибо есть его никто не собирается.

На похороны пришли все самые здоровые и самые любопытные старики. Не знаю, куда следовало бы отнести меня, я предпочту считать, что пришел сюда, потому что жил с Валентином в одной палате. Все они, эти старики, стояли и горестно вздыхали каждые три минуты. Но никто не плакал.

Ни Лидия — та славная старуха, которая сегодня надела длинное черное платье, которое прекрасно скрывало ее гадкую татуировку на поясице.

Ни тот майор полиции, ни Маргарита, которая всегда достает бочонки в игре, ни Светочек. Не плакал никто.

Пришло несколько медсестер, которые собственно и привели всех сюда. И не потому, что мы не знаем дорогу к кладбищу, конечно, нет. Чем старше ты становишься, тем лучше знаешь, где находится кладбище. Они просто следили, чтобы никому не поплохело.

Никто не плакал. И по-прежнему никто не проронил ни слова.

Все походило на какой-то странный, пугающий чем-то неизвестным, сон. Но тело Валентина все так же лежало в гробу, глаза его были закрыты, а руки сложены на груди. Все мы прекрасно помнили, кем был Валентин. Он — просто старый и безумный старик, который забывает через 10 секунд все, о чем ты с ним говорил. Это тот самый старик, который вечно выкрикивает «Бинго!», даже если его карточки совершенно никуда не годятся. Даже если их у него нет. Это тот самый человек без семьи, без детей, без внуков, не оставивший после себя ничего, кроме запаха мочи на его старом матрасе.

Как и я.

Мы все близнецы. Может, у нас и разные пути, но конец всегда один. Просто как дешевые голливудские фильмы. И это не грустно. Это нормально.

Его забудут, как и вас, как забудут и меня.

Я смотрел на уродское тело, и мои мысли сходили с ума.

Мне хотелось, чтобы этот дешевый гроб накрыли крышкой, заколотили гвоздями и навсегда скинули в пропасть. И закопали, засыпали тоннами холодной и влажной земли. Но нет, он по-прежнему стоял там, где и должен. Никто ничего не делал. Более того, никто ничего не говорил. Все стояли, рассматривая свои ботинки и ботинки своих соседей, и все они молчали.

В глазах потемнело, я видел очертания рядом стоящих, но их накрывала черная тень и лица разглядеть не удавалось. Сердце стучало так сильно, что начинало побаливать. Я смотрел на Валентина, его тело словно издавало какое-то свечение, настолько отвратительное, что мне стало дурно. Тогда я больше всего на свете хотел, чтобы гроб закрыли. Чтобы он перестал светиться и навеки ушел под землю.

Казалось, на кладбище остался только я и он.

— Бинго, — кричит Валентин, хотя его губы и не думали шевелиться. Тело не двигалось.

Это просто голос в моей голове. Мужик, кажется, ты приехал.

— Бинго, — повторяет голос Валентина и тело его, затвердевшее от смерти, начинает подниматься из гроба.

Мне все это кажется, этого нет и быть не может.

Сердце совсем обезумело. Если этот чертов гроб сейчас же не закроют, то меня придется хоронить рядом с ним.

Может, я умираю? Эта мысль появилась внезапно и заполнила собой каждый сантиметр моего тела, я не чувствовал ударов сердца, руки и ноги занемели, превращаясь в камни.

— Бинго, — кричит Валентин снова и поднимает свою уродскую голову. Его скальп начинает сползать и из черепной коробки выглядывают обрывки газет и разных журналов.

Я или схожу с ума. Или уже тронулся.

Дикий, невыносимый страх пробирается все глубже. Я пытаюсь закричать, но голос куда-то пропал, его словно вообще никогда не было. Кажется, что я сейчас упаду на пол, а сил, чтобы подняться уже не будет.

Но у Валентина, похоже, этих сил достаточно.

Он поднимается.

Удары сердца отдаются глухими стуками в ушах.

— Бинго!

Еще один удар.

— Бинго!

— Бинго!

— Бинго!

С каждым ударом сердца, Валентин подбирается все ближе и ближе. Мое тело ведет себя так, как во сне. Ноги ватные, бежать не получается. Но и проснуться не выходит тоже.

— Бинго, — говорит Валентин шепотом, потому что он уже стоит напротив меня. Стоит так близко, что я даже чувствую запах его дыхания. Пахнет землей.

Я закрыл глаза, но даже тогда его лицо, морщинистое и старое, оно все равно стояло передо мной, перед глазами...

Я слышу, как он дышит. Медленно, словно смакует каждым вдохом.

— Бинго – значит, что я выиграл, — шепчет Валентин.

Я попятился и вскрикнул от того, что на кого-то наткнулся. Я повернулся и увидел, что врезался в Герасима, того старика, который никогда ни с кем не разговаривает. Потом я перевел взгляд на гроб и увидел, что Валентин никуда не делся. Он лежит так же, как и лежал. Вот только его лицо. Может и не так, но мне показалось, что на его лице сияла — пусть мрачная и мертвая — но все-таки улыбка.

Глава ?

Сон

Не знаю, что это было, что произошло на этих похоронах, но после этого я не мог больше нормально спать, я то и делал, что поглядывал туда, где раньше спал Валентин и по телу пробегали мурашки. Мы с ним никогда толком не общались, наверное, никто с ним толком не общался, потому что к общению Валентин приспособлен не был, но все же, мне его немного не хватало. Он был здесь, когда сюда пришел я. И я его пережил, здесь нечем гордиться. Это совершенно нормально. Если ты старик, конечно.

Я просыпался ночью и больше не мог уснуть. Мне снились сны, как никогда яркие и реалистичные.

Иногда снился отец, таким, каким я его запомнил. Он смотрел на меня как-то странно, казалось, что он грустит, но в то же время он был счастлив. Понятия не имею, что делало его таким счастливым. Вокруг нас не было ничего, хотя мне все время казалось, что мы сидим в нашей кухне за столом. Только я и он. Мы молчали. Но это было не то чтобы неловко, а как-то иначе, словно мы уже поговорили обо всем и теперь просто отдыхали от разговоров. Про отца снились только такие сны, очень редко бывало так, чтобы мы говорили, а если и перекидывались парочкой слов, то я все равно все забывал.

Этой ночью отец не разговаривал со мной, но он говорил с мамой. И они стояли на рельсах, что-то громко обсуждая, время от времени бросая в меня взгляды, наполненные то ли злобой, то ли еще чем-то. Во всяком случае, так казалось мне. Не знаю почему.

— Эти сигареты очень плохо влияют на мое здоровье, черт их дерь, — кричал отец, смотря прямо на меня.

— Наконец-то ты это понял! — крикнула мама, поднимая руки к небу, которого не было.

И тут на горизонте появился поезд. Сначала он был далеко, но я не успел даже осознать этого, как он приблизился настолько, что практически уткнулся в спины моих родителей. Но они стояли, словно их это не касалось.

А он все приближался, издавая страшные звуки.

— Но лучше я умру, чем брошу курить эти раковые сладости! — закричал отец.

А мама – словно и не мама. Она не злилась, а просто громко, но как-то ласково ответила:

— Ну и ничего!

А поезд так и приближался, он издавал такой скрежет, что казалось, он не едет, а сунется по рельсам. Голосов моих родителей я уже не слышал, видел только как шевелятся их губы и как неестественно они двигают руками.

И тут поезд пронесся сквозь них, оставив от моих родителей лишь пыль, которая разлетелась и осыпалась вокруг.

Он сунулся прямо на меня, но остановился в тот момент, когда должен был превратить меня в кровавую грудку костей и мяса. Он исчез. Просто взял и исчез. А я просто проснулся.

Проснулся, вкинул в рот сигарету и закурил, не вставая с кровати.

Сон потихоньку рассеивался, но я все еще видел в темноте силуэты своих родителей. Но от сигареты вскоре остался только окурочок, а ото сна не осталось совсем ничего.

Как ни странно, но сердце не болело, оно словно до сих пор дремало. Я включил настольную лампу и свет открыл моему взору нарисованные моим же карандашом портреты великих. Прямо перед кроватью висел портрет невозмутимого Лавкрафта, он смотрел на меня так, словно хотел знать, что я оставил там, за стеной сна. Туловище писателя было плотно оплетено могучими щупальцами, которые не причиняли ему никакого вреда. А за его спиной плыл небольшой корабль, за мачту которого ухватились те самые щупальца, пытаясь опрокинуть его навзничь. Рядом с этой картиной висела другая. Человек, изображенный на картине – если можно так назвать лист, вырванный из тетради – человек этот сидел на земле возле большого, возвышающегося над землей надгробного камня. Около его ног терся красивый черный кот без одного глаза, а на плече сидел черный ворон. Если бы на секунду у этого рисунка появился бы звук, то на всю комнату раздалось бы оглушающее воронье карканье.

Висели здесь и другие рисунки, не только портреты всяких писак. Прямо над столом красовался портрет короткостриженного парня, сидевшего в инвалидной коляске. Иногда у меня спрашивают, кто это такой. Но у меня не находилось ответов, поэтому я отвечал, что это просто парень, а иногда я придумывал несколько забавных фактов о нем.

— Ну, — говорил я одной, сующей нос не в свои дела, медсестре, — это чемпион параолимпийских игр по плаванию.

— Да? А вы что, тоже увлекались плаванием? — продолжала спрашивать она.

— В молодости и не такое бывало.

А Валентину я и вовсе говорил, что это мой отец.

— Твой отец?

— Да, — отвечал я, — мой отец.

Человек в инвалидной коляске не улыбался, но он ни в коем случае не был злым, скорее озадаченным. На его коленях разложились груды всяких листов. Некоторые — исписаны до краев, другие же — чистые, совершенно нетронутые. Я думаю, что он пишет рассказ, или повесть, хотя если судить по этой груде бумаг, это скорее всего роман. Наверное, так оно и было.

Я снова закурил. Из открытого окна подул прохладный ветерок, который тонко намекал, что скоро зима.

Докурив, я достал чистые листы и принялся рисовать. С утра, вернее с ночи, рисуется хорошо. Ясно, почему многие художники, писатели или поэты любили творить ночью. Вот возьмите любое произведение искусства, будь то «Улисс» или «Великий мастурбатор», я уверен, что все это было сотворено ночью. Ночью, когда проклятое солнце не сжигало, не выпаливало из головы все отличные мысли и идеи.

Вот я и рисовал.

Сидел там и рисовал.

Глава ?

Чайка занимался плаванием, ну знаете, бассейн, гейская шапочка, плавки, красные глаза и все такое прочее. Все это было не для того, чтобы чего-то там добиться, стать чемпионом, а скорее для того, чтобы он не шастал без дела после школы. Это было жестоко, как считал я. У меня было куча свободного времени, но я не дырявил пластмассовые бутылки после уроков и по вечерам, а сидел дома, или гулял недалеко со своими немногочисленными друзьями. А вот Чайка наоборот. Ему было шестнадцать, и мы с ним очень сильно отличались друг от друга.

Я терпеть не мог алкоголь и никогда не понимал его сути, Чайка тоже, но он частенько приходил домой пьяным. Не таким, как мужики на вокзале, но все-таки. После того, как отец попал в больницу, он стал осторожнее, намного осторожнее.

Знаете что он сделал?

Каждый вечер он стал чистить зубы. И когда приходил домой ночью — первым делом шел и чистил зубы, сбивая запах пива или чего-то такого. Он не напивался до чертиков, а если и напивался, то приходил домой, когда уже мог нормально разговаривать.

Вот к книгам он относился неплохо, иногда читал то, что я ему советовал, и потом делился своими впечатлениями. Вот, например, мне всегда казалось, что все читающие люди делятся на два типа. Первые, прочитав «Над пропастью во ржи» делают эту книгу своей карманной библией. На всех форумах, во всех спорах они пытаются доказать, что это действительно величайшая книга, а Сэлинджер — это лучшее, что случилось с литературой. Иногда они даже покупают такую же красную кепку, как у Холдена. Другой же тип людей — наоборот. Некоторые из них ждут до самой последней страницы, надеются найти что-нибудь такое, чтобы могло объяснить, почему эта книга настолько популярна.

Но, не находя там ничего подобного, они просто закидывают жалкую, как думают они, книжонку в угол и при каждом удобном случае не забывают упомянуть, что книга – самый настоящий бред и разрекламированная фуфлыжонка, за которую даже братья не стоит.

А я люблю эту книгу, действительно люблю.

«Ладно, — говорю. И вдруг вспомнил: — Скажите, вы видели тех уток на озере у Южного выхода в центральном парке? На маленьком таком прудике? Может, вы случайно знаете, куда они деваются, эти утки, когда пруд замерзает? Может, вы случайно знаете?»

Я конечно понимал, что это действительно была бы чистая случайность.

Он обернулся и посмотрел на меня, как будто я ненормальный.

— Ты что, братец, — говорит, — смеешься надо мной, что ли?

— Нет, — говорю, — просто мне интересно узнать».

Я точно помню, что дочитал именно до этого момента, как в комнату вошел Чайка, вернулся с тренировки вроде бы. Родителей дома не было, он зашел ко мне и говорит:

— Привет.

Я спросил его, как прошла тренировка, потому что я всегда спрашивал об этом. А он всегда отвечал, что нормально.

— Какая-то уродская кепка у этого сопляка, — говорит Чайка, тыкая пальцем в обложку моей книги.

— Да нормальная кепка, — говорю.

— Уродская.

Потом он спросил, что это я такое читаю.

— И о чем книга? — все сыпал он вопросами.

Тут я не знал, что ему ответить, хотелось сказать, что обо всем, но потом я подумал и сказал:

— Почитай сам.

Так оно и вышло.

Он говорил, что сначала прочитал книгу, а потом посмотрел, что пишут о ней в сети.

— Странно выходит, — говорил он, — везде пишут, что книга – класс, а на деле оказывается – говно какое-то. Пустышка. Как булочка со сгущенкой. Кусаешь, а там одно тесто, никакой сгущенки. Нет, я понял, что книга о школяре, озлобленном, туповатом. Но ведь все школьники такие. На этом-то она и выезжает, эта книга? Ну, знаешь, я бы постыдился быть популярным за счет тупых школьников.

Я знал, что ему не понравится, вернее предчувствовал, поэтому совсем не расстроился.

Кстати, помимо всего, Чайка иногда писал рассказы. Он мне их никогда не показывал, но я однажды сам нашел и прочитал. Это было давно, поэтому и рассказ был очень примитивен. Про мужика, который просто сидит в баре и рассказывает всем свои тупые истории. А в конце он говорит: «Не одолжите один доллар, сэр?». Очень тупой рассказ, но я знал, что он прячет свои истории в надежном месте и я искренне надеялся, что в этом плане он поумнел.

В остальном все тоже было нормально.

Отец давно вернулся из больницы, сердце его больше не беспокоило, к счастью.

Поначалу мама была сама не своя, она даже голос боялась на него повышать, представляете? Мама, которая не кричит – это странно, очень странно и необычно.

Нам скорее это не нравилось, но это длилось недолго.

Я ведь рассказывал, как мама ненавидела то, что отец курит. Ох, она терпеть этого не могла. А вы знаете хоть одного курящего человека, который не выкуривает сигарету перед сном? Я таких не знаю. Сначала мама терпела, но потом все стало нормально.

— Слушай, ты можешь немного проветриваться перед тем, как ложиться в постель? — говорила она.

— Как мне это надоело! — она тут же повышала голос. И все стало таким, как раньше.

Отец опять иногда оставался в своей мастерской, утром переодевался и уходил на работу. Сначала мама не находила себе места, извинялась и уговаривала его вернуться обратно в дом, но потом перестала и засыпала одна.

А он сидел там, курил, что-то чертил, писал, мастерил. Как и раньше. И это было здорово.

Чайка продолжал ходить на плаванье, наверное, он не бросал его только из-за своего тренера. Это была красивая крепкая женщина лет тридцати, как описывал ее сам Чайка.

— Она идеальна. — говорил он.

Может, так оно и было, не знаю.

Но я знал, что Чайка был настоящим дураком. А знаете почему? Потому что в него еще с первого класса была влюблена его одноклассница. Вот кто действительно идеал. Длинные черные волосы, карие глаза и бледная кожа, что, к слову, не делало ее менее привлекательной. Ее звали Таня. Она прямо-таки умирала за этим идиотом, а ему хоть бы хны.

— С ней хорошо дружить, — вечно повторял он, — зачем ломать дружбу отношениями, которые все равно развалятся через несколько месяцев?

Через несколько месяцев? Ты что, дурак? Она любит тебя с первого класса, чувак, очнись, она же не разлюбит тебя до конца своих дней. Я действительно так думал, как же я был прав, как же я был прав. И как же он ошибался, когда отталкивал Таню. Я готов был поддерживать его в чем угодно, я любил своего брата, но этого я не понимал, не хотел даже понимать. Как можно в нее не влюбиться?

Ну да ладно.

Если я не сидел за партой и не сидел дома, значит, я был у Ветали. У такого художавого белобрысого красавчика, с которым лучше не гулять вдвоем, если вы не хотите чувствовать себя неловко. Рядом с ним я был настоящим уродом, но тогда меня это не заботило, в принципе, как и сейчас, просто пришлось к слову. Мы учились в одном классе и были настоящими друзьями. Я частенько приходил к нему домой со своим ноутом, мы брали сетевой шнур и рубились в контру или в футбол. Мы с ним с самого детства.

Самое первое воспоминание о нем, это когда мы играли у него во дворе, нам было лет по 7, и я нашел ржавую крышку.

Я сказал:

— Невозможно порезаться этой крышкой.

— Ну попробуй. — ответил он.

Я провел крышкой себе по ладошке и у меня остался шрам-воспоминание о моей детской глупости.

У него что папа, что мама – учителя, поэтому мне пришлось полностью его перевоспитывать. Он раньше никогда не матерился, вообще. Но я помню, как он впервые сказал «блять». Серьезно, лучше тебя научит материться твой лучший друг, чем какое-то дворовое чмо, ведь так?

А знаете, что он однажды ляпнул?

— Я знаю, что меня собьет грузовик, — говорит, — не знаю когда это будет, но это случится, я уверен.

— А какой грузовик? — спрашиваю.
— Не знаю, может быть, молоковоз. Они частенько ездят здесь, собирают молоко из соседних сел, а потом возвращаются в город через нашу центральную дорогу. Так что, вполне вероятно, что так и произойдет.
— Я так не думаю.
— Ладно, — говорит он.
И я оказался прав, никакой грузовик его не сбил.
Был еще Игорь.
И Саша был.
И Рыжий был.
— Прикинь, если бы можно было забить косяк размером с двухэтажный дом, — говорит Игорь.
— Я хочу прыгнуть с парашютом, — говорит Саша.
— Неплохо мы недавно отмесили фанатов Черноморца, — говорит Рыжий.
Вот с этими людьми я и провел свое детство.
Знаете почему?
Потому что здоровенный косяк — это очень неплохо. Прыгать с парашютом — это еще круче. А месить фанатов Черноморца — это просто забавно.

Новый альбом любимой группы, или альбом, который ты еще не слушал — это действительно круто, уверяю.

Welcome to Jamrock — Damian Marley.

Down to Earth, Black Rain — Ozzy Osbourne.

Keys to the kingdom — North Mississippi Allstars.

The Eminem Show, The Marshal Mather Lp, Relapse.

Deth Red Sabaouth — Danzig.

Let them talk, Didn't it rain — Hugh Laurie.

Mona Bone Jackon, Tea for the Tillerman, New Masters — Cat Stevens.

Paranoid — Black Sabbath.

Silver Threats — The Black Box Revelation.

И еще много-много других отличных альбомов. Я заливал их по одному в плеер, а потом дожидался пока все уснут и выходил из дома. Обычно я уходил часа в два ночи, а возвращался в четыре или в пять. В общем, чем позже я возвращался, тем сильнее мне понравился альбом.

Я просто слушал музыку и ходил по улицам, проходил через каждый переулок, а если музыка заканчивалась, то я включал снова.

Экзамены сданы, впереди последний год учебы и можно будет свалить. Учиться опять-таки...зато подальше от дома, все это понимают.

Меня ничто не заботило, я просто ходил, наслаждаясь музыкой. В этот раз я слушал сразу два альбома — Didn't it Rain & Let them talk, отличная музыка, помните доктора Хауса? Так вот это его альбомы. Отличные вещи, честное слово.

02:14, показывали часы, впереди вся ночь. Я знал, что Чайка сегодня где-то гуляет со своими не очень-то умными друзьями.

А я слушал музыку.

Я вышел из дома, включив «Kiss of fire». Шел я медленно, спешить было некуда. Вот я и не спешил.

Выйдя со своей Октябрьской улицы, я наткнулся на широко открытые большие ворота. Это кладбище. Огромное, утонувшее в ночи, кладбище. Кривые надгробные камни, нелепо торчащие из земли, оградки, краска на которых уже давно не обновлялась, выцветшие фотографии — все это было днем, а сейчас ничего такого видно не было. Только ворота и белые, как снег, плиты, окружающие все кладбище.

Потом я пошел на «Дружбу» — длинную, покрытую старыми разбитыми плитами улицу. В детстве я много времени проводил здесь, тут жил мой друг Давид, но потом его отец — Вардгез увез его и его маму с братом куда-то в Армению. Я уже даже забыл, как он выглядел, помню, что мы вечно строили у него домики на деревьях, вернее пытались их строить. Помню, как загнали Давиду в палец тройной крючок. Было весело.

Ну да ладно.

Я свернул налево, нужно было пройти недлинный переулок, чтобы оказаться на другой улице. Здесь, в этом переулке стоял только один дом, если можно его так назвать. Было немного не по себе, признаться честно, но голос Хью в ушах действовал успокаивающе. В этом доме раньше жил какой-то мужик, который скрывался здесь от ментов. Говорили, что он кого-то убил или что-то такое, но прятался он недолго, недели две, а потом его все-таки загребли. Больше тут никто не жил, поэтому всякие малолетки поразбивали окна, выбили двери и дом стал походить на халабуду. Но сейчас вид у него был жуткий, если бы он не был таким маленьким, то напоминал бы дом из «Ужаса Амитвилля».

Я шел дальше, а Хью пел:

«Joshua fought the battle of Jericho,
Jericho, Jericho,
Joshua fought the battle of Jericho,
And the walls come tumblin' down!».

Серьезно, когда у вас стучит сердце, и вам кажется, что оно вот-вот выскочит из груди, то просто включите и слушайте:

«I touch your lips and all at once the sparks go flying,
Those devil lips that know so well the art of lying.
And though I see the danger, still the flame grows higher,
I know I must surrender to your kiss of fire».

Я вышел из этого переулка и оказался на другой большой улице, которую я никогда особо не любил из-за уродских собак, шастающих тут на каждом шагу. Но сегодня их не было, сдохли, может. Надеюсь, что так. Я дошел до детской площадки, меня не покусали, все нормально. Хорошо, что я стал выходить так поздно, в такое время мерзкие малолетки(как и я) должны были уже сидеть у себя дома, видеть красивые сны. Ну, а те, кто постарше, они и так никогда не появлялись в таких местах. Ну и отлично.

Didn't it rain & Let them talk еще и не думали заканчиваться, и это было здорово, потому что идти домой мне еще не очень хотелось.

Я просто сидел там, качаясь вперед-назад на скрипучей качели, я ни о чем не думал, тогда я многого знать не мог.

Например, я не мог знать, что никогда в жизни уже не смогу забыть это лето.

Не знал я и того, что буквально через пару недель Чайка попадет в больницу, не с простудой, нет. Не знал, что он вскоре бросит плавание и избавится от этой гейской шапочки. Представить себе такое трудно, он ведь говорил, что его тренер — идеал женской красоты, но так будет. Зато он все время будет писать рассказы, и будет стараться написать роман.

Всего этого я тогда не знал, ну и пусть. Это будет позже. А тогда я просто сидел на той площадке и слушал музыку.

Глава ?

Радио уже перестало быть тем, чем оно было еще лет двадцать назад. Всем надоело просто слушать, а благодаря телевизору, они получили возможность еще и смотреть. Но я знал одного старика, который постоянно слушал радио, носил везде с собой маленький приемник, из которого вечно доносились звуки отвратительных песен, сменяющихся то прогнозом погоды, то каким-то скучным шоу. Имени этого старика я не помню, знаю только то, что все на свете считали его сумасшедшим. Почему? Я понятия не имею.

Однажды этот старик надел на себя самую приличную одежду, отправился на железную дорогу и просто бросился под поезд. Говорят, что он никуда не прыгал, он сел на рельсы, включил свой приемник и стал ждать. Понимаете? Он сидел там, слушая идиотское радио, и ждал, пока его переедет поезд. Естественно, весь городок сочувственно вздохнул, ведь какой хороший человек был! И вовсе не безумец!

Мы потом гуляли там, пытались найти что-нибудь. И нашли. На рельсах все еще оставались следы крови, которые на солнце почти потеряли свой жуткий цвет. Но дальше, там в траве лежало что-то черное. Я подошел и увидел, что это лежит ручка от приемника того сумасшедшего. А за другую сторону ручки ухватилась его почерневшая и вонявшая как дохлый кот, кисть. И в этот момент, готов поклясться чем угодно, я услышал музыку, словно где-то рядом завалилось и само радио. Я бросил проклятую ручку на рельсы и убежал. Если бы я был чуть постарше, наверное, я бы испугался до смерти.

Никому раньше я не рассказывал этой истории, поэтому я молча взглянул на радио, висевшее над кроватью Чайки и закрыл рот.

В палате, кроме Чайки, было еще три человека. Честное слово, если бы я лежал здесь, я бы наверняка сошел с ума.

У самого окна лежал человек, напоминающий сушеную воблу, это Игорь. Он был таким худым, что казалось, он никогда не ест, хотя на его тумбе лежали всякие фрукты, йогурты и прочая хренотень. Иногда к нему заходила жена, и она постоянно злилась, потому что Игорь вечно был чем-то недоволен.

— Почему ты не принесла суп? Я специально сбил температуру, чтобы наконец-то нормально поесть.

— Игорь, — говорила она очень тихо, — ты не понимаешь, что кроме тебя у меня есть еще двое детей, которым я тоже нужна? У меня не было времени, чтобы варить суп.

— Ясно. Можешь ехать домой.

— Да говори что хочешь. Я не могу разорваться на несколько частей, я и так ничего не успеваю. Сегодня целый день искала Яне туфли, пока нашли хорошие и не дорогие, задолбалась ужасно.

Но ему плевать, он будто ее и не слушал:

— Спасибо за все.

Она вздохнула и ушла.

Рядом с Игорем лежал Палыч – древний-древний старикан, которому только то и делают, что отрезают пальцы на ногах. Он слишком громко разговаривал. И слишком много. А еще

он очень гордился тем, что одна из медсестер – это его племянница. Может, так оно и было, я не знаю. Игорь терпеть его не мог. Когда Палыч выползал из палаты, опираясь на свои костыли, Игорь негромко говорил:

— Как же он уже надоел.

Но был еще один человек.

Его звали Сергей Викторович, и у него не было одной ноги. Он постоянно сидел в своем инвалидном кресле и вечно пялился в свой маленький телевизор, стоящий справа от его кровати. Иногда он брал огромный шприц, наполнял его какой-то желтой мутью и поливал ею здоровую ногу. «Ох, бля», — шептал он, когда жидкость разливалась по ноге. Он был хорошим человеком, Чайка рассказывал, что этот Сергей Викторович постоянно пытался подбодрить его, предлагал фрукты, которых у Чайки самого было полным полно.

Мама много времени проводила здесь, с ним. Она покупала ему фрукты, нужные лекарства, мази, бинты и прочие штуки.

А Чайка просто лежал.

Возле его кровати тоже стояло инвалидное кресло, но он его не трогал. Может, ему было противно? Может, и так.

Я стоял над ним, смотрел прямо ему в глаза и не видел там того Чайку, которого я раньше знал. Я понимал, что это не просто шок, это такая штука, которая может запросто выбить тебя из колеи, выбить тебя черт знает куда. Выкинуть вообще.

— Как ты себя чувствуешь?

— Отлично, — отвечал он.

— Ничего не болит?

— Нет.

Но ему кололи кучу всяких обезболивающих штук. И он большую часть времени спал.

Он лежал в хирургическом отделении уже две недели.

Я знал, что он справится со всем этим. Я был уверен.

Глава ?

Я вошел в комнату и не сразу понял, кто это сидит рядом с Чайкой. Они играли на компе, Чайка что-то увлеченно рассказывал:

— Ну, — говорит, — суть в том, что этот чел, он уже умер, а все равно сидит в баре и за пару монет рассказывает одну и ту же историю.

Они повернулись, услышав, как я открыл дверь. Это была Таня. У Чайки на кровати лежали апельсины и бананы, которые, видимо, она и принесла.

— Привет. — сказала она, улыбнувшись.

— Привет.

Я не знал, мне лучше выйти или остаться. Они вновь отвернулись к экрану, и я понял, что могу остаться. В своей комнате. Это был первый раз, когда Таня пришла к нам домой, мне было даже как-то неудобно за бардак в комнате, за чашки, стоящие на подоконнике, но Чайку, похоже, это совсем не волновало. Значит, он действительно совсем ничего к ней не чувствовал. Странный. И еще его ни капельки не смущало мое присутствие. Это тоже о чем-то говорило...

Таня чем-то отличалась от остальных, она говорила совершенно спокойно, голос ее звучал ровно и как-то по-обычному. В отличие от всех остальных, кто иногда сюда приходил. Его старые друзья, одноклассники.

— Ну, как ты тут? — спрашивал любой из его туповатых друзей.

— Да отлично! Собираюсь заняться футболом. Серьезно заняться футболом.

— В смысле?..

— Расслабься, я же шучу. — говорил Чайка и улыбался.

Думаю, именно улыбка смущала всех, кто сюда приходил. Мол, он что, способен шутить в такой момент? Черт, у него ведь нет ног, а он еще и шутит над этим... ужас...

А Чайка не был против того, что круг его общения так быстро сузился всего до пары человек — меня и Тани.

— Это наоборот круто, — говорил он, — они все равно не будут относиться ко мне так, как раньше, ну и хорошо.

Нет, естественно у него осталась парочка друзей, с которыми он время от времени общался, но все это общение закончилось сразу же, как только он уехал учиться...

— Как дела? — спросила Таня у меня, отвернувшись от экрана.

Я играл в какую-то игру на телефоне и поэтому не сразу понял, что обращаются ко мне. Но когда до меня дошло, я поднял голову и протарахтел:

— Да все хорошо... А твои как?

А что я должен был у нее спросить?

— Мои тоже хорошо. — ответила она и очень мило улыбнулась. Прямо очень-очень мило.

— Мы тут собираемся в парк пойти, не хочешь с нами? — теперь уже спросил Чайка.

Зачем он позвал меня? Потому что действительно хотел, чтобы я пошел, или же его просто не привлекала мысль о том, что Таня будет его катить всю дорогу? Я подумал, что это не особо важно и ответил:

— Можно было бы.

Родители возились на кухне, мама что-то готовила, а отец сидел за столом и что-то чертил.

— А вы куда? — спросила мама, выходя в коридор.

— Мы немного прогуляемся в парке. — ответил Чайка за нас всех.

— Только недолго, скоро будет готов ужин.

Я ответил, что мы успеем вернуться.

Мы просто прогуливались, как и всегда, только теперь уже втроем. Таня шла возле Чайки, а я был сзади и толкал его кресло. Не скажу, что меня это смущало, просто эта тишина... она немного давила. Они практически не разговаривали. Перебросились парочкой реплик о своих одноклассниках и заткнулись, словно кто-то превратил их в рыб.

— Может, послушаем какую-нибудь музыку? — спросил Чайка, доставая из кармана телефон.

Не самая лучшая идея, братишка! Забудь о ней, подумал я, но ничего не сказал.

Мы с Таней сели на лавочку, оставив между нами место еще человек для двух.

Чайка сидел напротив нас, а когда думал, что никто не видит, то легонько чесал свои ноги. Ну, или то, что от них осталось. У него была эта дурацкая привычка — чесать ноги. Меня это просто из себя выводило, но я никогда ему об этом не говорил.

Пожалуйста, думал я, Таня, оборви ты эту чертову тишину!

— А ты сейчас что-нибудь пишешь? — спросила она, словно прочитав мои мысли.

— Много чего... Пишу сейчас один неплохой рассказ...

— А о чем?

— Да, — добавляю я, — Чайка, о чем твой новый рассказ?!

— Трудно ответить...

Он всегда так говорил.

Кто бы мог подумать, что вскоре такие неловкие паузы исчезнут и одно воспоминание о них будет нас смешить. Скоро.

Глава ?

Хотите знать, что произошло там в тот день?

А я не имею ни малейшего представления о том, что же там все-таки случилось.

Что я мог сделать? Да, я мог закричать, мог упасть на пол и биться в истерике, точно сумасшедший. Я мог потерять сознание, учитывая то, как плохо я переношу вид крови. А еще я мог бы просто взять и сдохнуть, например, из-за того, что просто-напросто не знал, что делать.

И в самом деле, что мне делать? Что я должен был тогда сделать? Я задавал себе этот вопрос, глядя на эти бесконечные уродские рельсы.

Что теперь будет? Тогда все ушло куда-то на второй план, может, даже дальше. Мне казалось, что все происходящее – не просто сон, я надеялся, что я просто сижу у себя дома, и сейчас через несколько мгновений я очнусь в кресле, выкину эту чудовищную книгу в сторону и скажу что-то типа «Нихера себе».

Но кровь?

А крик?

Я смотрел как длинные багряные ручейки – скорее реки – стекают по рельсам, по шпалм, на камни, на траву. Кровь убегала так быстро, что я понял одно: она хочет поскорее убраться отсюда, исчезнуть, чтобы не видеть весь тот кошмар, который наблюдал я сам. Хотя меня там уже не было. Я не видел, я просто смотрел.

А крик? Криком это назвать можно было с трудом. Скорее это был вскрик. От неожиданности? Наверное, так. Там не было страха, все произошло слишком быстро, так откуда там взялся бы страх?

Просто этот шум, этот раздражающий скрежет. Я очень хорошо его помню. А что было после всего этого? А что было до?

— Чайка, — спросил я однажды, — что мы вообще делали там, что мы там забыли в тот вечер?

И он отвечал, что не знает. Говорил, что теперь это не имеет никакого значения.

Но это было потом. А когда поезд пронесся мимо нас, сквозь нас, когда я увидел, что ноги моего брата больше ему не принадлежат, тогда все было по-другому. Поезд был маленьким. Локомотив и несколько грузовых вагонов, может, три. И он скользил по рельсам так плавно, так уверенно, словно острая бритва скользит по щекам.

Когда я развернулся, чтобы посмотреть, что случилось, поезд уже почти скрылся с виду. Чайка лежал на земле. Его ноги отрезало чуть ниже колен, они так и остались лежать там. Он приподнялся на локтях, рассматривая свой подарок. Он ничего не говорил, не кричал, даже не плакал. Чайка просто смотрел, как кровь с противным бульканьем покидает его тело и выливается на землю.

Вы можете себе представить, насколько это странно — смотреть на ноги, которые не были бы прикреплены к чьему-либо телу? Есть вещи, которые сами по себе быть не могут, но когда вы все-таки такие вещи видите, вы впадаете в крайне глубокое смятение. Или во что-то похожее на смятение. Я стоял и смотрел. Как и Чайка. Он все еще не вымолвил ни слова.

Как же нелепо выглядят ноги без тела.

Мне должно быть стыдно, но это единственная мысль, которая была в моей голове в тот момент. Я еще не думал о том, что будет дальше, не думал, что стоит позвать кого-то на помощь. Я даже не думал о том, что он может умереть прямо здесь. Смерть для

меня всегда была чем-то нереальным, каким-то жутким персонажем из сказок, поэтому я ее и не боялся.

Ну так вот.

Вы прочли три сотни книг, может, четыре, может, еще больше. Может, вы знаете «Черного человека» наизусть. Может быть, у вас дома есть коллекция железных машинок, марок и прочей никому ненужной херни. Слушайте, а может вы еще были отличником, может медалистом даже. Или вы знаете кучу интересных фактов, например, вам известно, что столица Непала – Катманду, или что огурцы на 96% состоят из воды, это здорово. Но как это могло бы вам помочь, окажись вы на моем месте? А я ведь был просто ребенком, глупым, трусливым сопляком, который намочит штаны сразу, как только его брату отрежет ноги. А крови было много, действительно много.

Некоторые умники говорят, что для того чтобы перестать бояться высоты, нужно залезть на самое высокое здание и смотреть вниз, пока страх не уйдет навсегда. Серьезно? А как быть с кровью? Нужно в ней искупаться? Не думаю, что это поможет.

И я смотрел на эту все еще живую кровь. И Чайка смотрел.

А потом он умер. Он громко ударился головой о землю и перестал дышать. Во всяком случае, так показалось мне. А кровь все еще хлестала, как вода из опрокинутой бутылки.

Я стоял на том самом месте, пытаюсь ухватиться за свою реальность, но она отбрасывала меня еще дальше, загоняла еще глубже, еще дальше. Я хотел что-то сделать, я знал, что нельзя вот так вот стоять на месте, как мраморная статуя. Но я не мог.

Меня там все еще не было.

Вокруг тишина. Слишком тихо. Чайка застонал. И в этом стоне жизни было больше, чем во мне, да и во всем живом вместе взятом. Меня словно отбросило, я отшатнулся и упал на землю. Мысли теперь буквально разрывали меня на части. Руки не слушались, тряслись как у старика, но я кое-как снял свой пояс и подполз к Чайке. Уже слишком поздно, думал я, пытаюсь обмотать поясом хотя бы одну ногу. Ногу...

Я ненавижу себя за свою медлительность. И если бы он умер тогда, я бы чокнулся. Но я же был просто ребенком. И сколько бы вас ни расхваливали родители, которые скорее всего вас не хотели, сколько бы учителя ни твердили вам, что вы очень талантливый и способный ученик, и пусть вы прочли несколько сотен отличных книг, пусть написали сто великолепных рассказов, но когда приходит время действовать — вы бесполезные груды костей, не способные ни на что.

Я больше всего на свете боялся, что это никогда не закончится. И даже до сих пор такой странный, непонятный страх вспыхивает где-то там внутри.

И в какой-то момент я побежал, не понимая, куда я направляюсь, но мимо мелькали знакомые дворы, дома, я бежал домой. Одежда пропиталась кровью, словно меня ранили в живот. Уже добегая до своего дома, я пытался придумать, что мне говорить, и не мог ничего выдумать. Абсолютно. На несколько мгновений я вообще забыл, что случилось. Непонимание происходящего – это жутко, действительно жутко.

Так что же случилось?

Я посмотрел на свои руки, на одежду. И картинки в моей голове, они медленно выныривали и возвращали меня обратно

Чайка. Поезд. Огромная, быстрая и ужасная железка.

Неужели все это происходит именно с нами?

Я не знал, что говорить. Я вообще словно потерял дар речи.

— Там... нужно... скорее... пожалуйста...

Я задышался. Глотал слова.

— Ну... скорее... пошли... лучше скорую..., — я попытался собраться: — там, за станцией, где посадка, где железная дорога... Чайка!

В голове всплыло его лицо. Как он сейчас? Лежит там. Он без сознания? А если нет? Он подумает, что я бросил его там умирать?

— Что с ним? — мама подняла мою футболку, чтобы убедиться, что со мной все в порядке, что я не ранен.

— ОН ПОПАЛ ПОД ПОЕЗД! — закричал я и расплакался.

— Это не очень хорошая шутка, мальчик мой, — прошептала мама.

Я медленно приходил в себя, возвращалось ощущение реальности, появились странные мысли. Родители ушли, так и не добившись от меня четких объяснений, где именно Чайка. Но они поняли, они нашли его.

Я сидел не кухне. Мне не хотелось туда возвращаться. Очень не хотелось. Я разбил чашку и сахарницу, пытаюсь заварить себе чай. Сахар рассыпался, и мне это очень не понравилось.

Где-то через полчаса, я подумал, что нужно все-таки туда сходить. Но перед этим я пошел в туалет и хорошенько проблевался.

Шел я медленно. Плелся, если быть точнее.

Что мы там делали?

Понятия не имею.

Может тебе это все приснилось, парень?

Я стоял на том месте, где все и произошло, но там никого не было. Уже начинало темнеть, поэтому я не сразу увидел ту покрасневшую траву. Но она там была. И крови было много. Действительно много, будто это не жизнь, а кино Тарантино. Но лучше бы это было фильмом, честное слово. Но нет.

И даже тогда я не до конца верил, что все это по-настоящему. Может быть, я — это совсем другой человек, а моя жизнь — это просто сон или какая-то отличная галлюцинация. Вот сейчас я проснусь, потом скажу кому-нибудь:

— Прикинь, мне снилось, что я был каким-то мелким пацаном, а еще у меня был брат, который попал под поезд. И я помню, как бегал за помощью. Жуть какая-то.

Или я через несколько мгновений очнусь с бонгом в руках, а вокруг меня какие-то люди. И они говорят:

— Ну что, нормально торкнуло?

Я отвечаю, что да. Потом достаю телефон, чтобы глянуть сколько прошло времени и смотрю на свое лицо в отражении экрана. А там совершенно другой человек. Я прямо-таки надеялся на это, но ничего не происходило, я просто стоял там, подрагивая, то ли от холода, то ли еще от чего-то.

И пусть я надеялся на такие глупости, но я ведь прекрасно понимал, что я — это я. Ни от чего я не очнусь.

Это случилось именно с нами.

Глава ?

Мне просто напросто не было где жить. Я получал какие-то гроши, тратил их на всякую мелочь, а потом оказывалось, что мне нечем платить за жилье. Вы должны понимать, что мне было не двадцать и даже не сорок. Физический труд остался в молодости, поэтому я собрал все свои вещи в две небольшие сумки и старый рюкзак. А затем пришел сюда.

Была ночь и мне любезно предоставили якобы временную койку и соседа. Валентина, как можно было догадаться. Я вошел, положил свои вещи возле кровати и посмотрел на него.

— Я Валентин.

Я сказал, что рад познакомиться.

— А я рад с тобой познакомиться? – спросил Валентин, чем дал понять, что лучше соседа нельзя было и найти.

Так мы с ним и познакомились.

В первую ночь я не спал ни минуты. Все чего-то ждал, думал о какой-то ерунде. Я переживал. Волновался, сам не знаю почему. Но где-то там я понимал, что приехал, сошел с поезда и это моя последняя остановка. Станция, забитая стариками и старухами с тележками, на которых они везут коробки с побитыми яблоками и банки с молоком и сметаной.

Поезд ушел, а я остался здесь.

Утром заходила старшая медсестра и тот человек, которого я стал называть Чеховым. Он был вежлив, говорил тихо, стараясь не разбудить все еще спящего Валентина.

Я встал с кровати, пожал ему руку и сказал, что лучше бы мы поговорили в коридоре. Медсестра ушла в другую палату, оставив нас наедине. Мне с самого начала понравился Чехов. Он напоминал мне кое-кого, знаете, есть такие люди... В университете, например, в каждой группе есть такой человек. Он всегда сидит где-то позади, не прячется, но и не лезет вперед. Никогда не поднимает руки, а отвечает только когда спрашивают именно его. Причем очень часто отвечает правильно. Все говорят ему, что он определенно талантлив, но безумно ленив. Я знал это, потому что сам был чем-то похож на таких людей.

— Послушайте, — говорю мягко, без лишней наглости, — я понимаю, что это не мой личный клуб, но я пришел сюда не для того, чтобы сдавать анализы или измерять температуру и давление. Мне просто негде жить. И я ничего не скрываю, я просто еще один старый неудачник, как и все здесь.

— Вы не неудачник, у всех свои проблемы, от этого нельзя убежать.

— А в могиле?

— Там холодно и черви иногда мешают.

Он частенько заходил ко мне, приносил карандаши, ручки, блокноты и книги. И за эту я буду благодарен ему до тех пор, пока черви не начнут щекотать меня изнутри.

А потом мы курили в парке и разговаривали обо всем. Не часто, но раз в месяц такое бывало. Чехов начал курить месяца через три после нашего знакомства, хотя и говорил, что начал давно.

Я рассказывал ему абсолютно все, мне нравилось это делать.

— И что, — спросил Чехов однажды, когда я начал рассказывать ему о том, как Чайка написал свой первый хороший рассказ, — ты до сих пор помнишь, как он назывался?

Холодный плен

«Столько снега я не видел ни разу в жизни. Мы с Биллом были как две неуклюжие мухи, утонувшие в молоке».

Я сидел и читал рассказ, который принес Чайка и прямо-таки заставил его прочесть. Он просто въехал в нашу комнату на своем кресле:

— Слушай, — говорит, — ты знаешь, я раньше писал всякие тупые рассказы, не хочешь заценить один из них?

Почему бы и нет?

Я заранее дал себе обещание не расстраивать его, если рассказ окажется полной чушью. Но каково же было мое удивление, когда я все-таки дочитал до конца.

«— С новым годом, Билл. Извини меня, друг.

Сказал и все. Ветер похлопал меня по спине, словно говоря, что мне нужно идти.

И я пошел дальше».

Таким был конец этого рассказа. И мне действительно это понравилось. Пока я читал, он смотрел на меня, не отрывая взгляд, словно пытаюсь что-то вычитать на моем лице.

— Ничего себе, мне реально понравилось. — сказал я.

— Серьезно?

— Ну да. Я никогда бы не подумал, что ты сможешь написать что-нибудь подобное.

— Тебе правда понравилось?

— Я не стал бы тебе врать.

С тех пор он постоянно только то и делал, что писал и читал. Естественно, время от времени он заседал за комп, пытаюсь отыскать какие-то журналы, чтобы отослать туда какой-нибудь свой рассказ.

И вот мы просто сидели и ужинали все вместе, когда Чайка сказал, что ему удалось продать один из своих рассказов.

— Серьезно? — спросил отец.

— Ну да, — говорит Чайка не без гордости, — сумма символическая, но по моему это все равно круто.

Маме это понравилось, она заулыбалась и спросила:

— А о чем хоть тот рассказ?

— Ну, если коротко, то это небольшая история о двух дальнбойщиках. Суть в том, что их фура застряла в снегу посреди какой-то глуши.

— Я бы почитала.

— И я, если честно, — сказал батя.

И это было здорово. Хотя я и не уверен, что они прочитали хоть один его рассказ. Родители относились к этому не особо серьезно, они просто радовались, что Чайке теперь было чем заняться. Но они и подумать не могли, что вся эта писанина так повлияет на его жизнь.

Иногда я помогал ему выезжать из дома, чтобы прогуляться. Я катил его по разбитым улицам, объезжая глубокие дыры в асфальте, а он в это время что-то черкал в своем блокноте, иногда спрашивая меня, как пишется то или иное слово.

— Мне кажется, что Сэлинджер — самый переоцененный мудака в истории, — сказал когда-то Чайка во время одной из прогулок по парку.

— Слышь, друг, я ведь могу запросто тебе накостылять за такие слова.

— Да не, серьезно, вот ты можешь объяснить, почему всем так нравится его тупорылая книжка?

— Прямо-таки всем? На свете миллиардов 6 людей, которым абсолютно плевать на Сэлинджера и вообще какие-либо другие книжки. А, кстати, ты уже себе псевдоним придумал?

Он поднял голову вверх, посмотрел на меня так, словно я рассказал ему, что деда мороза на самом деле нет.

— Зачем?

— Ну, просто. Можешь подписывать свои рассказы настоящим именем, но тогда все твои друзья будут спрашивать: «Это ты написал? Ты чо, лох?», а зная твоих друзей, я уверен, что так и будет.

— Тогда ты и придумай.

Мы остановились на поляне, где никого не было. Слышались голоса, но они были далеко, поэтому мы не обращали на них никакого внимания.

— Можно взять имя какого-нибудь крутого персонажа, — говорю, — например, Рой Стрэнг.

— Рой Стрэнг? Звучит как-то не очень.

Я немного подумал, пытаюсь вспомнить каких-нибудь других персонажей.

— Может тогда Пол Шелдон или Майк Энслин?

— Нет, они какие-то слишком американские. Нужно что-то помягче.

Джек Торренс? Хотя мне не очень хотелось, чтобы Чайка катал на своих колесах, размахивая туда-сюда топором.

И тут меня осенило. И почему я не подумал об этом сразу?

— Артур Гордон Пим.

— В смысле?

— Ты теперь Артур Гордон Пим.

Чайка открыл чистую страницу в блокноте и в самом низу написал: *Артур Гордон Пим*.

— А что, — говорит Чайка, — мне нравится.

Глава ?

Время от времени Чайку публиковали в небольших литературных журналах, что не могло его не радовать. Но если посудить, толку от этого было мало. Он жил себе, писал рассказы и ни о чем не беспокоился, несмотря на ряд проблем, разрастающихся у него за спиной. Но я был таким же, поэтому я не стал бы его упрекать.

В квартире помимо Чайки жили еще два парня. Имени первого я не помню, но знаю, что он учился на математика, слушал сладж и ненавидел группу Никльбэк. Хотя я не знаю людей, которые бы любили эту группу. Второго звали Егор, он барыжил травой и какими-то таблетками. Когда я впервые зашел в эту квартиру, то меня накурило просто от запаха, вьезшего в стены. Сам Егор был бледным худощавым пареньком со впалыми щеками, немного напоминал тех парней в спортивках, которые вечно ошиваются около подъездов. Но, несмотря на это, он был нормальным и совсем не тупым. Возле его кровати лежали книги Дика, Хайнлайна, и даже Вербера. Он любил порассуждать о космосе и о таком прочем, когда по его крови гуляли всякие вещества. У него была одна теория, которая звучала приблизительно так:

— Слушайте, — говорит, — а вот если подумать, хоть бы на секунду представить, что такое вообще возможно... Ну вот смотрите, — он садится поудобнее, открывает банку

пива, делает большой глоток и продолжает: — все типа считают, что Вселенная – огромная, настолько большая, что у нее даже нет границ, в которые можно было бы уткнуться, так? А что, если представить, что она наоборот – типа малюсенькая. Представляете? То есть, вся наша вселенная, может быть, это всего лишь клетка какого-то организма, причем, может, не самого, сука, умного и не самого сложного. Мы не обязательно клетки мозга, например, мы можем быть типа и клетками сердца или какого-то другого органа... Понимаете?

Сначала я не совсем понимал, но потом эти мысли мне показались действительно крутыми.

— Так вот, если мы – всего лишь клетка, а в одном организме, допустим, триллионов 100 сраных клеток, то представьте, хотя бы попробуйте поместить у себя в голове количество таких же вселенных, как наша.

И если это не остановить, то он так залипнет на этой теме, что будет молоть языком до тех пор, пока его окончательно не отпустит.

— И еще, если мы – это клетка, пускай того же мозга, то существует еще огромная блядская куча таких же клеток-вселенных, которые на нашу не похожи вообще ничем.

— Бля, — добавлял он в самом конце, — масштабность этого говна просто сводит меня с ума.

И меня.

В общем, можно считать, что с соседями ему повезло, чего нельзя сказать обо мне. Сначала меня поселили в комнату с каким-то Ренатом, который выглядел как скрывающийся серийный маньяк. Самое забавное было в этом маньяке то, как он говорил на компьютер. Он называл его «камп». КАМПИ!!! К счастью, что я и двух дней с ним не прожил, потому что та комната было настолько убита, что мама, увидев ее, сразу пошла в отдел общежития и выбила мне другую.

Блок 75, комната 4.

Я вошел и первое, что бросилось мне в глаза – это электрогитара, лежащая на кровати у моего нового соседа. Его самого еще не было, но я понял, что лучше уж он, чем Ренат. Так оно и оказалось.

Его звали Ваня и, как выяснилось, он был единственным нормальным человеком во всем общежитии. Он любил Metallic'у, AC/DC, Станислава Лема и сказки Андерсена. Ну и дуть. Над его кроватью висели плакаты каких-то рок-групп и одна сюрреалистичная картина с двумя странными оленями.

Я прожил здесь почти год, и это было по истине круто. Был еще Жека, который время от времени к нам заходил и Антоха – 28-летний здоровяк, работающий где-то в органах. Остальных вспоминать даже не хочется, потому что это настоящий зоопарк и полный пиздец. Тупые бабы, бегающие по этажу, как ненормальные малолетки.

Я потихоньку сходил с ума.

На самом деле нет, но с таким окружением тронуться можно было запросто.

Когда меня выгнали, меня расстраивало только одно – то, что я больше не смогу просто взять и прийти в общагу, пообщаться с Ваней или Антохой. Как-то тупо, но это правда единственное, что мне не нравилось.

Я стал чаще ходить к Чайке, все чаще стал замечать его убитым в мясо. Но его, похоже, это не заботило. Я сам, конечно, никогда не был против того, чтобы покурить хороших шишек, но он-то баловался какой-то дешевой синтетической дрянью, которую можно было купить в любом ларьке. Я не понимал этого. Зачем убиваться какой-то непонятной дурью, когда природа сама на блюде приносит очень крутые вещи?

Сначала он говорил, что ему просто интересно сравнивать эффекты. Мол, каждый раз торкает по-разному.

Потом он говорил, что под химией он может придумывать очень неплохие рассказы. Вот в этом я сомневался и сомневаюсь до сих пор. Может, ты и видишь кучу неясных картин, мелькающих в твоей голове, может, между ними и есть какая-то связь, но потом собрать все это в кучу практически нереально, так как половина из этого забудется еще до следующего утра.

Затем Чайка говорил, что это ему нравится больше, чем натурка. Я бы не обращал на это никакого внимания, если бы он не стал писать так мало. Все время он витал где-то в космосе, за месяц писал 2-3 рассказа, а опубликовать их выходило все реже. На это он отвечал, что пишет роман и не хочет отвлекаться на мелкие рассказы.

Я постучал.

Дверь мне открыл тот самый математик. Я прошел в квартиру, зашел в Чайкину комнату и здорово перепугался. Он лежал на полу возле своего кресла. Просто лежал и пялился в потолок.

Я подбежал к нему, но не успел даже ничего произнести, как он сделал это вместо меня:

— Привет!

Жив.

— Тебе плохо?

— Мне отлично.

— Ты лежишь на полу.

— А ты думаешь, я сам этого не заметил?

Пол был грязным, словно в комнате никто никогда не убирал. Скорее всего, так оно и было. Пахло то ли бензином, то ли еще какой-то дрянью. Компьютер был включен, из динамиков доносились звуки какой-то легкой ненавязчивой песни. Я подумал, что это Кэт Стивенс.

Вообще, мне уже немного поднадоело то, что я никак не могу с ним нормально поговорить. Я как ни зайду – он либо еще убит, либо сонный и несет какую-то чушь.

Тогда я просто ушел и бродил по городу всю ночь.

Медленно шастал по улицам, не обращая внимания на редких прохожих. Крепко сжимая нож, лежащий в правом кармане куртке. Я точно знал, что ни за что в жизни не применю его. Мне просто нравилось ощущать его приятный железный холодок.

Кривой – хороший город. И плевать, что куча алкашей, а нариков еще больше. Так же везде. Тем более, что наркотики не самая страшная проблема. По-моему лучше быть конченным наркоманом, чем, например, быть сухой, зашоренной офисной крысой, кем я и стану, хотя возьмут ли меня туда – тоже вопрос. Когда-то я пытался пойти работать в один офис, работа вроде не сложная, но что-то меня явно напрягало. Сидят пятнадцать тупых туш в тесной комнате с тремя компьютерами. Престарелые тетки, ПТУшники и другое быдло, сидят и вызванивают по всем номерам, что есть у них в базе.

— Алло, — говорит, — я представитель компании ВИКЕСТАР, скажите, пожалуйста, у вас дома пользуются интернетом?

Ждет ответа.

— Хорошо. А вас устраивает ваш провайдер?

Ждет ответа.

— А хотите, я расскажу вам о преимуществах интернета от ВИКЕСТАР?

Ждет ответа.

— Но поверьте, я уверена, что вас это заинтересует... Нет? Хорошо, спасибо.

Она кладет трубку и громко говорит: «Долбоеб тупой». И смеется. Это мерзкие твари, поэтому если вам такие звонят – посылайте их сразу, не ждите пока она начнет лить вам в уши всякое говно.

Проходя мимо остановки, я увидел плакат, рекламирующий тот самый интернет от ВИКЕСТАР. Я подошел, сорвал его, выкинул в мусорку и был очень доволен собой.

Так я и бродил там, думая о всякой всячине. От автовокзала и до 95 квартала, потом обратно.

Математика, кстати, звали Родион. Тупейшее имя, разве нет?

Глава ?

Потом Чайку все-таки выписали из больницы. Он был разбит, уничтожен и просто раздавлен тем фактом, что у него больше нет ног. Даже представить трудно, что Чайка тогда чувствовал. Но он неплохо справлялся и довольно прытко выкарабкивался из этой ямы.

— Зато я теперь могу не ходить на плаванье. — сказал он однажды и я понял, что все не так уж и плохо.

Первые недели он привыкал к тому, что для того чтобы просто пойти пописать нужно было потрудиться. Он сидел целыми днями дома и от скуки начал читать книжки, которые я ему советовал. Это потом мы ездили на прогулки, я начал вытаскивать его в парк. Просто вы должны понимать, что городок-то маленький, каждый норовит то пожалеть тебя, то ляпнуть что-то типа «Держи хвост пистолетом» или «Не сдавайся!». Чайку это злило просто до ужаса.

Со временем и родители привыкли к тому, что Чайку жалеть не стоит, что нужно относиться к нему как к нормальному человеку. Он очень это ценил. Отец стал больше времени проводить с нами, рассказывал всякие потешные истории, выходил с нами в парк и общался не как с детьми, а прямо-таки как со своими друзьями, что не могло нас не радовать. Он даже матерился! Рассказывал даже о том, как в армии попробовал покурить афганского каннабиса, и как его вырубило на несколько часов. Он шутил про маму, а однажды совершенно серьезно сказал:

— Сколько бы она ни кричала, ни выводила меня из себя, я все равно люблю эту женщину, как и много лет назад.

И это было здорово, потому что раньше ни мы, ни он не позволили бы себе такой близости. Раньше мы могли сидеть в одной комнате и молчать. И это трудно назвать неловким молчанием, потому что неловко не было: ни мне, ни отцу, ни Чайке.

Что касается мамы, то сначала она практически не кричала, но потом характер взял свое. Под руку попадали мы с отцом, но затем доставалось и Чайке.

И это тоже было здорово, потому все выглядело так, как и раньше. Ну практически.

Помните Таню? Девчонку, влюбленную в Чайку? Так вот, она стала появляться в нашем доме все чаще, а родители были только за. Я тоже. Таня с Чайкой проводили вместе кучу времени, но в его глазах я по-прежнему не видел ничего такого, что могло бы его выдать. Но она — нет. Достаточно только один разок глянуть на нее и все становилось ясно — она втрескалась в него, причем давным-давно. И ей абсолютно плевать на его инвалидное кресло, она просто его любила. Он тоже относился к ней хорошо, всегда радовался ее приходу...и все. Ничего большего. Не сказать, что это меня расстраивало, я просто-напросто этого не понимал.

Она провела с ним все лето, и я уверен, что она хотела бы, чтобы оно никогда не заканчивалось. Но я также был уверен, что Чайка захочет уехать учиться, несмотря ни на что. И как бы мама ни уговаривала его, на него не действовали никакие доводы. Она говорила, что он может подождать этот год, а потом поступить вместе со мной, может, даже в один и тот же универ, но он собирался ворваться во взрослую жизнь прямо в конце этого лета, которое преподнесло ему такой забавный подарочек.

Но это произойдет позже, а пока у нас с ним оставалось целое лето, которое оказалось одновременно самым ужасным и самым запоминающимся в моей жизни.

Как я и говорил, Чайка быстро оклемался, вам уже известно, что он стал писать, вернее сделал из своего забытого хобби чуть ли не дело всей жизни. Еще Чайка слушал много новой музыки, узнавал всякие полезные факты и интересности. Почему для того, чтобы начать все это делать, он должен был лишиться ног? Я однажды так у него и спросил.

— Послушай, — говорит, — какому нормальному человеку интересна история Третьего Рейха или СССР, если можно пойти на улицу и попинать мяч?

Ему даже понравились какие-то работы Сократа, Платона и Аристотеля, что само по себе являлось безумием. Он завел себе несколько тетрадок и блокнотов, хотя и продолжал писать на каких-то огрызках. И эта привычка, кстати, осталась с ним на всю жизнь.

Чайка действительно слишком уж легко справлялся со всем этим, меня это немного удивляло, но я был рад и горд им.

Знаете, что он однажды учудил? Он показал мне небольшой кустик марихуаны, который вырастил прямо у нас в комнате. Я не понимаю, как и зачем он это сделал, но когда я увидел это, то просто рассмеялся. Помимо чтения Хэмингуэя, Буковски, Керуака, он также читал кучи всякого мусора про ЛСД, сальвию, священный гриб теонанакатль и марихуану.

— Ну, просто это интересно, — говорил он, — реальность — она как резина, ее можно растянуть, надуть и дальше лопнуть.

— Да ладно? Попробуй кого-нибудь зарезать, посмотрим какая прочная эта реальность.

Я сказал это к тому, что реальность может казаться какой угодно, но тот факт, что она тверже, чем бетон, никто оспорить не сможет. Я убедился в этом сам, когда стоял и смотрел, как Чайка истекал кровью. Тогда я так хлопнулся об эту реальность, что от удара кости зазвенели как церковный колокол.

Шло время, и я почти перестал теряться в присутствии Тани, мы стали неплохими друзьями и здорово проводили время втроем.

— Чайка, ты настоящий идиот, что до сих пор в нее не влюбился!

— Ясно.

Дошло даже до того, что Таня даже оставалась у нас ночевать, и я любезно предоставлял ей свою кровать, а сам лежал на куче подушек на полу. Мы не спали до самого утра, разговаривали обо всем на свете, а былая неловкость ушла так внезапно, что никто и не заметил. Мы стали так близки, что могли шутить о Чайке, а тот даже не думал обижаться, потому что такого понятия между нами уже не существовало.

Мы пересмотрели кучу короткометражек и простых фильмов. Естественно, первым делом мы посмотрели мой любимый фильм — «Шестизарядник». Всем понравилось, как я и думал.

— «— «Говенный» - это не мат! — Мат! — Да нихуя это не мат!», - процитировал я и все опять засмеялись.

Мы смотрели много другой крутоты, с тех пор Таниным любимым фильмом стал «1408», а Чайкиным — «Сияние» и «Мизери». Таня говорила, что «Сияние» очень мастерски граничит между полным говнищем и непревзойденным шедевром, в этом она была права.

А однажды, когда Таня осталась у нас в очередной раз, мы открыли окна, защелкнули замок на двери в комнату и просто напилась. Знаете, сидели там и пили.

Никакого пива или хотя бы вина, нет, только водка и кока-кола. Это было круто, учитывая, что пил я впервые и если исключить тот эпизод, где я блюю в пакет с моим спортивным костюмом — все прошло неплохо. Они смотрели фильм, а я пытался настроить свое тело, выходявшее из-под контроля из-за алкоголя, но тут Чайке в голову пришла якобы гениальная идея. Он предложил покурить его доморощенное растеньице. Чайка сорвал несколько больших листков и давал дальнейшие указания, но мой пьяный мозг воспринимал все как-то по-идиотски. С пятого раза я понял, что нужно спуститься вниз и высушить листья в микроволновке, также нужно было взять фольгу, воду и две пустые бутылки. Стараясь не шуметь, я спустился... я еще в жизни так не боялся, как тогда. Но я все же вкинул листья в печь и пока они сушились, искал бутылки и фольгу.

— Что ты делаешь? — послышался голос отца. Я повернул голову и увидел, что он пьет сок и даже не смотрит в мою сторону.

Я попытался выровнять голос и произнести все как можно четче:

— Да вот, решил подогреть бутерброды.

Подогреть бутерброды?

— А, понятно. Спокойной ночи. — сказал он, допив сок, и вышел из кухни.

А я стоял там, совсем окаменевший от страха, пока меня не разбудил пронзительный «дзыньк», который говорил мне, что я должен забрать листья, воду, бутылки и побыстрее(ЕЩЕ БЫСТРЕЕ) отсюда сваливать.

Я так и сделал. Поднимаясь наверх, в голову пришла мысль о том, что я впервые в жизни так напился, да и напился вообще.

Я буквально ворвался в комнату, закрыл дверь на замок и с огромным чувством облегчения вздохнул.

— Все нормально? — спросили они в унисон.

— Ага. — ответил я, подумав, что не очень хочу рассказывать, как чуть не спалился.

Чайка сказал Тане, чтоб та мелко перетирала листья, а сам царь на троне принялся мастерить водный, что, должен сказать, неплохо у него получалось. Все это воспринималось, как какой-то совершенно безумный сон, но он мне нравился и просыпаться я не хотел.

Я должен был опускаться первым. Чайка сказал, чтобы я не вздумал кашлять, но дым так драл горло, что я не смог удержаться и закашлялся.

Потом опускала Таня. Она делала это так уверено, с такой грацией. Они явно делают это не первый раз...

Затем Чайка.

Минут через пять-семь, я начал ощущать, что действие алкоголя как-то меняется, я сам здорово менялся. Меня это немного пугало, но Чайка сказал, что это вполне нормально, и что я должен успокоиться. Все вещи казались мне немного другими, вернее я воспринимал их по-другому.

— А теперь, - говорит Чайка, - я должен показать вам один клип!

Мы сели поудобней, он что-то клацал на компьютере и я не мог понять, почему же он так долго ищет тот сраный клип.

— Все. — сказал он и включил видео.

И сразу же! Первая сцена повергла меня в такой шок, что я задрожал, хорошо, никто не заметил этого. Тот клип представлял собой видео от первого лица. Якобы я стоял на коленях, на меня было направлено дуло пистолета. Рядом со мной стоял еще кто-то с мешком на голове, и тут дуло ткнулось в его голову и пистолет выстрелил. Кровь брызнула на стену и тот человек с мешком на своей, теперь уже дырявой голове, упал на пол. Это было так близко, словно действительно происходило именно со мной. Я смотрел клип с открытым ртом, а песня, сопровождающая видео, казалась мне самым совершенством.

Когда все закончилось, я посмотрел на Чайку и не смог вымолвить и слова.

— Согласитесь, что это – лучшее, что вы видели в своей жизни. — произнес Чайка.

— Дааааа. – протянула Таня.

А я все молчал, до сих пор не понимая, что это сейчас было.

Это потом я понял, что все выглядело таким реальным и близким из-за травы, но мне дико нравилось то чувство. Я сидел, а в голове до сих пор играла та песня:

«Your money and your hope..

Your money and your hope..

Your money and your hope..

I AM A BAD MOTHERFUCKER

LIVE LONG AND WELL THANKS TO SUCKER,

LIVE LONG AND WELL THANKS TO SUCKER,

I AM A BAD MOTHERFUCKER!!!».

Я ездил вместе с родителями, когда они отвозили Чайку и его вещи в общежитие. Не знаю почему, но он решил учиться на фармацевта, что никак не вязалось с его увлечением литературой. Позже он сказал, что просто хотел себе любое образование, просто, чтобы оно было. Как же мама уговаривала его поступить в следующем году, вместе со мной, но он был непреклонен.

— Почему нет? — спросил я.

Он долго молчал.

— Ты думаешь, приятно быть обузой? Я понимаю, что никто не скажет этого вслух, но бля, я ведь все понимаю. А так я буду там, буду учиться, жить в общежитии и все такое.

Проучился и прожил в той общежитии он недолго, как вы уже знаете. Перебрался в квартирку, которую снимал с Егором и Родионом и был доволен.

Отец молчал, не помогал матери уговаривать его, понимая, что это бессмысленно и если уж он решил ехать – он поедет. Но видно было, что ему тоже не хотелось так рано отпускать Чайку. Да, может, он и казался сильным и решительным, но он ведь тоже до сих пор ребенок. Как и я.

Таня просто сходила с ума. Сначала она хотела поехать за ним, но он убедил ее в том, что не нужно этого делать. Наверное, именно тогда он расставил все точки над «і».

Я очень часто не понимал его поступков, их нельзя было назвать необдуманными или спонтанными, но я все равно их не понимал. Словно, лишившись ног, он также лишился кусочка своего мозга, отвечающего за что-то важное. Думаю, доля правды в этом была.

Мы сидели в парке на нашем месте, тогда я и подумать не мог, что Чайкин уезд так сильно повлияет на Таню. Сейчас она выглядела самой счастливой девочкой на свете, и мне нравилось видеть ее такой. Я прекрасно понимал, что Чайка уедет уже через две недели. Но я не знал я, что после этого мы перестанем общаться с Таней, она замкнется в себе, и все время будет сидеть дома.

Он уехал и все хорошее, что было закончилось в один момент.

Да, мы созванивались, разговаривали, но это было не то.

— Ты как там? Как учеба?

— Да все нормально в принципе. Одногоруппники правда – это какой-то кошмар.

А соседи по общежитию, так это вообще.

Я рассмеялся.

— Как там Таня? — спросил он.
— Не знаю, мы не общаемся. Может, позвонишь ей?
— Может, и позвоню.

Но он не позвонит.

А мама звонила ему каждый вечер. Расспрашивала обо всем на свете.

— Ты ужинал? А что? Молодец... сам приготовил? Что собираешься делать?

И так далее. Иногда звонил ему и отец, он выходил из комнаты и только тогда разговаривал.

— Понятно, - говорил он, - ничего, скоро она привыкнет и перестанет звонить так часто.

Он переехал из общаги приблизительно через полгода после того, как свалил из дома. Естественно, никто об этом не знал, потому что мама бы сошла с ума, если бы решила его навестить. Ох и свинарник они там устроили с барыгой и математиком.

Но пока у нас были эти две недели, и мы старались выжать из них все.

Вы когда-нибудь находили труп? Не во сне, а по-настоящему? Мертвый человек, который больше не может отвечать на ваши тупые вопросы, он просто себе лежит, показывая всем своим видом то, как ему на вас наплевать.

— И почему именно мы должны были увидеть и найти его первыми? — спросила Таня, когда мы сидели на нашем заднем дворе и все еще отходили от увиденного.

— Вы видели, — говорит Чайка, — у него глаза как стекло.

Черт знает, чего нас туда занесло. Мы просто прогуливались и в этот раз зашли немного дальше, чем обычно. Туда, где находилась свалка. Настоящий рай для бедных. В таких местах иногда можно было найти гораздо больше, чем в специальных магазинах. Именно здесь отец время от времени собирал всякие интересные железячки. Тут валялись старые холодильники, телевизоры, выпотрошенные начисто; колеса, покрышки и труп одного алкаша.

Лошадиная голова — так его все называли. Мы видели его почти каждый день и, честное слово, я был уверен, что этот сраный алконавт никогда не загнется.

— Ага, — говорю, — просто жуть.

Он лежал на куче каких-то кусков пенопласта и пластмассы, может, ему так было удобно, не знаю. Я испугался. Не буду врать, когда я все осознал, то чуть не испортил свои любимые штаны с изображением Кунг-Лао на правом бедре. Но потом страх ушел и на его место пришла то ли злоба, то ли еще какое-то странное и совершенно неуместное чувство. Хотя, если посудить, за что я мог ненавидеть это ничтожество? Напился и умер, как псина. Вот и все. Но почему именно мы? Мы не должны были находить его, зачем? Чтобы потом огребаться от проблем?

— Никому об этом говорить не будет. — сказал Чайка, но на нас не посмотрел.

— В смысле? Как это, никому не скажем? Ты сдурел?

Никто даже и подумать не мог, что это труп. Это больше напоминало кучу грязных свитеров, воняющих какдохлая лошадь. Не знаю зачем, но я подошел и пнул эту кучу ногой. А потом увидел синюшнее лицо. И попятился, не отрывая взгляд от Лошадиной головы.

— Никому не скажем. — повторил Чайка. — Это значит, что никто не должен знать о том, что мы нашли его первыми.

— Почему?

— Потому что лично мне не охота тратить свое время, объясняя тупоголовому участковому и другим крысам, как мы оказались в том месте и все такое прочее.

Естественно, нам за это ничего не будет, но, а вдруг они решат, что нам надо пообщаться с психологами? Или чего-нибудь еще тупее.

Пусть так, подумал я. Психологов я действительно не любил.

— Я знаю, что вы сделали этим летом. — прошептала Таня.

Я засмеялся. И Чайка тоже.

Он нам никакой не родственник, не друг, я даже сомневаюсь, говорил ли я с ним хоть раз в своей жизни, так почему мы должны о нем думать, может даже грустить? С какой это радости? Такие как он пачками дохнут каждый день, если каждого оплакивать, времени веселиться и радоваться жизни не останется вообще.

— Может, сегодня хорошенько напьемся? — спросила Таня.

— Нет, — ответил Чайка и достал небольшой пакетик из правого кармана своей рубашки, — мы больше не пьем.

Глава ?

Я не знал чем себя занять. Одновременно я лишился двух лучших друзей. Я заходил к Тане, но она все время была занята, во всяком случае, так говорила она сама. Но чаще она вообще не выходила, вместо нее появлялась ее бабушка, у которой Таня и жила, и говорила мне, что Таня спит, работает и все такое.

Я не понимал этого. Разве я сделал ей что-нибудь плохое? Наверное, ей было в сто раз хуже, чем мне.

Родители напоминали живых мертвецов, напяливших маски обычных людей. Мама снова кричала, и теперь ссоры достигали катастрофических масштабов. Она даже начала что-то бормотать по поводу развода. А отец просто пожимал плечами и молча выслушивал ее крики. Все рушилось, словно Чайка был какой-то незаменимой шестеренкой, помогающей этим часам идти, пускай не идеально, но все-таки показывать точное время. Отец все чаще ночевал в мастерской, стал курить две пачки сигарет в день, а однажды он даже напился, чего раньше себе никогда не позволял. Я все еще не мог этого понять. А что было бы, если бы Чайка вообще умер? Он ведь просто уехал. Уехал учиться. Да, все понимали, что он инвалид, ну и что с этого? Я не понимал всего, что творилось вокруг.

Я успокаивал себя тем, что вскоре все образумится, но я уже видел будущее, видел свои состарившиеся руки, видел, как все они умирали, оставляя меня одного, и знал, что лучше не будет. Все всегда становится только хуже.

У отца случился второй серьезный приступ. Он пролежал в больнице почти две недели и вышел, словно ни в чем не бывало, мы об этом не говорили. Казалось, теперь-то все должно опять наладиться, но нет, ничего такого, даже намека — ничегошеньки. Мне больно это вспоминать, но я помнил, как тогда хотел уехать к чертям, свалить подальше отсюда и поближе к Чайке. Я хотел оставить родителей одних. Я не думаю, что это предательство. Хотя, может, я и ошибаюсь.

Теперь мы всегда ужинали молча, а то и вообще отдельно. Отец не мог быть таким открытым, как раньше, когда мы были вместе с Чайкой. И мы снова молчали, оставаясь одни в комнате. Только кое-что все-таки изменилось — теперь нам было неловко. Я ненавидел эти перемены. Мечтал проснуться, как тогда, стоя возле железной дороги, грязный, испуганный и весь в крови. Все было бы по-другому, не случись этого? Не уверен. Но я все-таки всей душой ненавидел эти перемены.

Мне снился сон. Помню, что я был самым добрым преступником в мире. Я грабил только самых богатых и отдавал все только самым бедным. Я сорвал большой куш и принес деньги какой-то нищей семье. Они испугано смотрели на меня, стараясь прижаться друг к другу. Мать, две дочери, сын. Они умоляли меня, чтобы я оставил их в покое и не убивал. Я не понимал их и ничего не мог с этим поделать. Я бы ни за что в жизни не причинил бы им вреда, в этом я был уверен на все сто процентов. И тут вышел человек, отец семейства. Он откуда-то достал старый раритетный револьвер и выстрелил прямо в меня. Пуля попала в грудь и большие капли крови стали громко биться об пол.

Я проснулся.

Не понимая, кто я и что здесь делаю, я трясущимися руками пытался нащупать выключатель. Если я сейчас не включу свет, думал я, то умру прямо здесь.

Клац. И в комнату влился яркий, ослепляющий свет. Потихоньку я начал возвращаться в реальность. Но эта жуткая боль в груди... словно я забыл оставить ее во сне и нечаянно прихватил с собою. Портреты на стенах, соседняя пустая кровать... я лежал у себя в комнате, у себя в палате. Я поднялся, пытаюсь руками давить на грудь, чтобы немного утихомирить боль, но она оставалась такой же.

Вот и все, приехал, подумал я.

Но вопреки моим ожиданиям, боль постепенно уходила, и я уже мог свободно дышать. Как же хорошо, что я снова могу закурить.

Несмотря на их крики, я сомневался в том, что они смогут когда-то разойтись. Я вообще был жутким идиотом. Сейчас я это понимаю.

Я стал звонить Чайке почти каждый день, ему это нравилось, а мне тем более. Я рассказывал ему о родителях, а он отвечал:

— Это взрослые проблемы. Помирятся еще сто раз. Ты их не знаешь, что ли?

Но он был там, а я оставался здесь. Он не мог видеть все это, всю серьезность ситуации. Он не видел ту злость, с которой мама орала на отца и не видел то холодное безразличие на лице бати.

А я продолжал учиться, мне пришлось попотеть, чтобы сдать хорошо экзамены и тесты, с помощью которых я должен был поступить в универ. Мне было все равно на кого поступать, поэтому я подался на русскую филологию, откуда вылетел уже через год. Но не суть. Я просто хотел свалить. Как можно скорее.

Я не буду рассказывать о том, как я уезжал. Думаю, это добило их окончательно. Хотя, я до сих пор ничего не понимал. Отец звонил мне чаще, чем мама.

— Как ты там?

— Хорошо. Осваиваюсь потихоньку. А ты? Что там мама?

— Она тоже неплохо... читает что-то... передает тебе привет.

— И ей привет. — говорю я, прекрасно понимая, что никакой мамы там нет и близко. Но я не хотел об этом говорить, у меня тоже было немало тайн, которым мне не слишком-то и хотелось делиться.

Я целыми днями сидел в парке, рисовал какую-то абстрактную чушь и продавал это по 3 или 4 гривны за рисунок. Мне просто нравилось сидеть там и рисовать.

— Вот это красотаааа! — говорит какая-то малолетка, тыкая в один из моих рисунков.

— Ага, спасибо.

Потом я собирал все свои вещи и шел к Чайке. Мы курили, иногда выпивали, частенько я оставался у него ночевать. И это было здорово. Но как же меня мучили эти

дурацкие секреты, как же меня грызло это все. Я хотел позвонить отцу, или маме, просто позвонить и рассказать обо всем, но зачем? Как потом смотреть им в глаза? Я не знал. Поэтому я просто забывал обо всем и ложился спать, а утром просыпался и снова об этом думал. И так постоянно.

Каждый день.

Часть II

Почти семьдесят

Глава 1

У меня была женщина. Но потом она исчезла, а я пошел и напился. Но не с горя, а просто так. Вообще странно, что она так долго терпела, наверное, она какая-то ненормальная. Я жил у нее дома, ел ее еду и трепал ее нервы. Мне все это нравилось, а ей не очень.

Вот она и ушла.

А я вернулся в ту квартиру, где жил Чайка. Я только то и делал, что пил и курил всякую дрянь, которую приносил Егор. Математик куда-то исчез. Это к лучшему.

— Вот, — говорит Егор, — нас жизнь ничему не сможет научить.

Я не отвечаю, а просто беру в руки старые, потертые листки, когда-то принадлежавшие Чайке.

— Мы кретины, — продолжает он, — Мы никуда не стремимся и даже не пытаемся ничего изменить.

В углу стоит инвалидное кресло, кожа на нем уже успела покрыться трещинами, колеса спустили, и кресло накрыл толстый слой пыли.

Но обычно в этой квартирке я просто ночую. Все остальное время я проводил черт знает где. Шлялся по барах, превращаясь в полное ничтожество. Получал по лицу, мне ломали ребра и пальцы. Я валялся, закрывая лицо, и надеялся, что позже смогу подняться и уйти отсюда.

Я умыл лицо в туалете того бара, где меня хорошенько отмудохали какие-то отморозки. Смотрел в зеркало и ничего не испытывал. Ни ненависти, ни жалости. Все казалось мне нормальным. А почему бы и нет? Послушай, когда ты уже и так потерял самое лучшее, что имел, почему бы тебе не выкинуть все остальное?

Почти тридцать.

А у меня ничего кроме дурацких воспоминаний и нет. На самое паршивое – мне на это наплевать.

Потом я опять сажусь у стойки и беру еще чего-нибудь.

И так продолжалось годами. Ужасно длинными годами. Я ничего не делал. Пока не получил действительно хороших пиздюлей.

Это было тогда, когда я уже жил один. Егор уехал в Днепр, точно я не знаю почему, да и не сказать, что меня это хоть как-то волновало. В тот вечер я был мертво пьян и чертовски зол. А тут еще эти полоумные футбольные фанаты. И орут, орут, орут.

И я не выдержал.

Я никогда не был агрессивным человеком, я даже драться никогда не умел, но тогда я был пьяным и злым. Их было человек 10-12 и вели они себя ужасно, просто ужасно. Я взял кружку, почти пустую кружку из-под пива, и врезал ею по голове одному из этих болванов. Кружка разлетелась в осколки, кровь хлынула из раны на лысой голове, а я попытался свалить. Я уже был возле двери, как чья-то рука тяжело упала мне на плечо. Я оглянулся.

Пока меня лупили, я думал о том, как сильно ненавижу футбол. Хотя, не сказать, что другой спорт я люблю больше.

А вот и первое сломанное ребро, подумал я, услышав глухой хруст в боку. Знаете, о чем я подумал в самом конце? Перед тем как очнуться в больнице? У меня больше нет никаких интересов, я ничего не делаю, но даже теперь я ненавижу футбол, а что же из себя представляют те ребята, которые болеют за какой-нибудь футбольный клуб?

А потом я очнулся.

Толстый усатый врач сказал, что я пролежал в коме целых четыре дня.

— Ого, — говорю.

— Вы понимаете, что вы могли умереть?

— Нет.

— Как, нет?

— Вы спросили, я ответил. Ответил честно.

Он что-то еще побормотал и сказал, чтоб я отдыхал. И вышел.

Я лежал в мягкой постели и думал над тем, что мне сказал этот толстяк. Я мог умереть. Я никогда не боялся смерти, потому что смерть была слишком далеко. Она находилась в другой стране, даже в другой вселенной. Оттуда она казалось не страшной, а смешной. Но теперь. Она подбирается все ближе, едет автостопом. И уже она не в другой вселенной, даже не в другой стране, она рядом, где-то в городе.

Наверное, именно тогда мне в голову и пришла эта идея. Уже через несколько дней я вернулся домой, все еще захваченный намертво той идеей.

Я высыпал все рукописи, все листки, салфетки на кровать. Получилась большая куча, потом я принялся их сортировать. Затем я отыскал тот роман.

Тот самый роман, который Чайка так и не закончил. Наверное, он просто не хотел ставить точку. А я поставлю. Я копался во всех этих бумагах всю ночь, пока не отрубился и не уснул прямо там.

На барахолке я нашел старую печатную машинку, которая обошлась мне дешевле пачки сигарет, и принялся переписывать тот самый роман. Сколько во мне было запала, нельзя передать, что я чувствовал, когда писал это. Я хотел дать вторую жизнь этим рукописям.

Я работал несколько ночей подряд, выкуривая сигарету за сигаретой, выпивая стакан за стаканом. В тексте было несколько пустых мест, которые я сам удачно — как кажется мне — заполнил. Я отыскал несколько вариантов концовки и выбрал самую лучшую, как показалось мне. И самую отравительную, как показалось бы главному герою этой книги. Я очень старался, чтобы не напартачить.

А потом я поставил ту точку, которую не смог поставить Чайка. И чуть не разревелся, как ребенок.

Почти сорок.

Мне очень тебя не хватает, чувак, очень.

Я подписал рукопись именем Артура Гордона Пима, достал одну сигарету и закурил, стряхивая пепел на последнюю страницу.

Странное ощущение, ради него стоит стать писателем.

В городе не так уж много издательств, специализирующихся на художественной литературе. Я обошел все и везде оставил роман «Холодный плен» Артура Гордона Пима. Я назвал книгу именно так, потому что помнил первый «Холодный плен» и помнил, как радовался Чайка, дописав этот рассказ.

Я стал ждать.

Долго.

Я скуривал две пачки красного «Винстона» в день и чувствовал себя своим отцом. Но мама не кричала. И это не совсем хорошо.

Но это не дешевый фильм с кучей штампов и банальными поворотами, это жизнь. Настоящая жизнь. И здесь никогда не бывает так, как хочется тебе. И все становится только хуже. Многие издатели клюнули на то, что Чайка был инвалидом, но сама книга никого особо не привлекла. Одни говорили, что план у них уже составлен на год вперед, другие говорили, что этот роман — не формат и все такое.

Я слушал этого дегенерата, стиснув зубы, и умоляя себя не сорваться.

— Понимаете, — говорит эта жирная офисная крыса, — это не то, что нам нужно, понимаете?

— Нет.

— Такое никто читать не будет. Вот принесите нам хороший детектив или боевик. А какой нам смысл печатать такое, себе же в **убыт?**

Мне хотелось вырвать каждый его зуб, сломать каждый палец и выпотрошить этого мерзкого мудака, но я просто вышел, не зная куда идти.

Чем сильнее я напивался, тем реальней воспринимал все происходящее. И это так хлопнуло меня об реальность, что я оглох. Напрочь.

Почти сорок лет? Не может такого быть.

И в самом деле, за сорок лет можно мир с ног на голову перевернуть. Но мне уже почти сорок, а мир стоит, как и стоял. Значит, я что-то делаю неверно.

Неверно? Ты вообще ничего не делаешь.

Ну и что? А что мне делать?
Устройся на работу и просто живи.
Зачем?
Я не знаю. Может, подумаешь над этим?
Нет.
Пожалуйста.
— Водки, — говорю я бармену. Не помню, как его зовут, то ли Антон, то ли Андрей. Но он здоровский тип.
Хорошо, я подумаю.

Глава ?

Иногда мы с Чайкой приезжали домой. Такое бывало редко и делалось не просто так. Мы считали, что если мы будем ездить сами, то родителям не придется бывать у нас. А это, как вы понимаете, было бы неплохо. Приезжали мы дня на два-три, а то и меньше. Я сразу понял, что родители спят на разных кроватях, может, отец вообще спит в мастерской, так как его вещей в доме практически не было. Я не подавал виду. Зачем? У каждого должны быть свои секреты. Тем более негоже нам, двум идиотам, которых выгнали из университета, у которых нет ничего, упрекать родителей в том, что они что-то скрывают от нас.

Поэтому я молчал.
— Ты понял? — спросил меня Чайка однажды, когда мы уезжали из дома.
Я кивнул, но ничего не сказал, а он не стал говорить об этом дальше.
Он тоже все прекрасно понимал.
Чайка все еще писал свой роман, я перебрался к нему и мы жили втроем, был еще и Егор.
— Ты уже дописал? Дай заценить фрагмент.
— Нет, я еще не дописал, — отвечал Чайка, — когда допишу, тогда и заценишь.
Он держал свои рукописи в какой-то коробке из-под обуви. Но я их не трогал.
— Слушай, — говорит Чайка, — а давай ты однажды вернешься домой и постарайся найти мой роман в мусорнике. Ты достанешь его оттуда, принесешь мне и заставишь меня его дописать.
— А ты что, написал вторую «Кэрри»?
— Пока еще нет.
— Вот и пиши пока.

Однажды мы приехали домой, а отца не было. Я подумал, что сегодня они расскажут нам правду. Как же я этого не хотел, ведь тогда придется рассказать нашу. Естественно, мы бы молчали и дальше, но на душе было бы паршиво.
— Мам, где отец? — спросил Чайка без каких-либо намеков.
— Не знаю, где-то шастает, сейчас позвоню ему.
Ловко выкрутилась, подумал я.
Через несколько минут отец зашел в дом, пожал наши руки. Мы здоровались именно так. Ни я, ни Чайка, ни батя терпеть не могли обниматься. Лучше так.
— Объявился! — сказала мама, улыбаясь.

В те редкие дни, когда мы были дома, мама ни разу не кричала, вообще. Ни на отца, ни на нас. Наверное, именно из-за отсутствия криков я и заметил что-то неладное в их отношениях. У меня на секунду возникали сомнения, что все это, все эти домыслы – не что иное, как глупая, но очень навязчивая паранойя. Что, если я так боюсь потерять свою семью, что уже заранее со всем смирился? Но факты говорили об обратном, и я им верил.

Мы все так же прогуливались по тем самым местам, что и раньше. Но теперь вдвоем. Конечно, мы заходили к Тане, но вышла она к нам только один раз. Та самая неловкость, от которой мы избавились так давно, снова вернулась и большую часть времени мы молчали.

Она пошла с нами прогуляться. Шла впереди, а я катил Чайку за ней.

— Как учеба? — спросила она, повернувшись к нам.

Я не знал, кому Таня задала этот вопрос.

— Ну, неплохо... — отвечал Чайка.

Раньше мы могли бы ей рассказать все на свете. Как же она отдалилась, подумал я. А потом до меня дошло, что это не она отдалилась, а мы. Мы уехали, оставив ее здесь. Чайка даже не пытался поддерживать с ней общение после того, как уехал. Я чувствовал себя виноватым. За все. За ту тоску в ее глазах, за эти неловкие моменты.

— А как ты поживаешь тут? — теперь уже спросил я.

Она замедлила шаг, сравнялась с нами, а потом посмотрела на меня так, словно я виновен во всех бедах на земле. Но ответила она:

— Неплохо на самом деле. Планирую в следующем году пойти в какой-нибудь техникум.

— Может, к нам в город?

— Не думаю. Хотя, может быть.

И я не выдержал.

— Да перестань ты себя так вести. Что с тобой такое?

Таня посмотрела на меня тем же взглядом.

— А что со мной? Нормально я себя веду.

— Извини, — говорит Чайка.

— За что?

— За все.

— Да за что вы извиняетесь? Все нормально. Я очень рада вас видеть.

А потом она ушла, сказав, что ей уже пора. Просто ушла, сказав «пока».

А мы остались вдвоем, опять. Мы тоже молчали, не зная, что сказать. Мне было нехорошо оттого, что мы ее обидели. Но ведь после того, как уехал Чайка, разве я не пытался выгнать ее из дома? Разве я забывал о ней? Это глупые мысли, я же прекрасно понимал, что дело в Чайке. Чего она убивается за ним, если он ни капельки ее не любит? Так бывает, Таня, смиришься. Но это же Чайка, он живет так, словно ничего вокруг не происходит, словно не замечая, что она к нему чувствует и как ведет себя в его присутствии. Ему на это наплевать, потому что он такой и есть. И разве она этого не понимала?

Мне было так паршиво, что я вернулся домой и завалился в кровать, пока Чайка ужинал с родителями. Не знаю, о чем они разговаривали, да и мне не особо было интересно. Я просто лежал себе, читая «Цветы для Эджертона».

И я заплакал.

Черт знает почему. То ли из-за книги, то ли просто так. На душе было гадко, словно я сделал что-то совсем уж плохое, но я оглядывался и ничего такого не видел. Чего ж тогда так хреново?

Вошел Чайка и я притворился, что сплю. Он лег на соседнюю кровать и впялился в потолок. Просто смотрел туда, казалось, он даже не моргает.

— Ты чего? — спросил я.

Он удивленно повернул голову в мою сторону.

— Я думал, ты спишь.
— Слышишь.
— Что?
— Когда мы все расскажем родителям?
— Не знаю, — он тяжело вздохнул, — я пока не вижу в этом никакого смысла. Да и расстраивать их сейчас не очень-то хочется, понимаешь?
— Понимаю, — говорю, — как они себя ведут за столом?
— Нормально, но я не заметил, чтобы они разговаривали. Понимаешь, разговаривали друг с другом. Просто задавали вопросы по очереди. И то, отец почти все время молчал.
— Чайка?
— Что?
— Что все это значит?
— Не знаю, чувак. Не имею ни малейшего представления.

Глава ?

В какой-то момент я понял, что ненавижу свое сердце. Оно могло в любой момент заколоть так сильно, что я даже не мог нормально вздохнуть. Я просто застывал в той позе, в которой меня застала эта дикая боль. В основном она приходила ночью и била меня прямо в грудь, вытаскивая из сна. А потом она уходила, но обещала вернуться следующей ночью. Я поднимался, садился у окна и закуривал сигарету. Больше уснуть не получалось. Я или читал, или рисовал, или просто сидел, думая о всяком.

Сегодня боль не приходила. Но радоваться я не спешил, она просто могла опаздывать, а если и не придет вообще, то завтра придет еще более разъяренной. Но пока ее не было. Я докуривал вторую сигарету, и как раз думал о том, что буду читать сегодня.

Комната наполнилась дымом. Окна открывать я не стал, на улице уже холодно, а простыть не особо хотелось. Я вообще серьезно подошел ко всему этому. Не позволял себе выходить на улицу, не одев перед этим двух свитеров и пальто. Да и выходить я стал намного реже, только когда заезжал Чехов, что случалось теперь не слишком-то и часто.

Здесь все оставалось таким же, как и раньше. Они до сих пор играли в «Бинго», а я все еще протирал штаны за тем же столом, рисуя всякие картинки из моей старой головы. Я заметил одну интересную странность: когда меня только выперли из универа, и я рисовал на улице, картины получались жутковатыми. Изображаемые образы и пейзажи были страшными. Потом я отошел от этого. Рисовал всякие здания, природу, людей, и там не было ни одного намека на что-то жуткое. А теперь опять. За последние лет десять, у меня не было ни одного цветного карандаша, только простые.

Валентин больше не кричал «БИНГО». Старикам теперь никто не мешал, они спокойно себе сидели, черкая какие-то цифры на своих карточках.

Сегодня я рисовал кота. Я сделал его одноглазым и назвал Плутоном, мне показалось, что можно будет его повесить у себя в палате около портрета По. Я закончил рисовать, а старики по-прежнему играли, поэтому я вскочил и крикнул:

— БИНГО!

Все взгляды направились ко мне. Я не чувствовал себя неловко, мне почему-то вдруг захотелось напомнить им о Валентине. Удивление прошло, и кто-то улыбнулся. Лидия сунула руку в мешок с бочонками, затем вытащила один и громко произнесла:

— Двенадцать!

Головы опустились к карточкам. Я собрал все свои вещи и пошел в свою палату. Скоро обед. По пути я встретил Герасима, который как всегда молча смотрел в окно. Я остановился возле него и сказал:

— Здравствуй.

Он посмотрел на меня, и хоть ответа я не услышал, мне однозначно показалось, что он улыбнулся.

— Хочешь пойти прогуляться? – спросил я, и понял, что он был бы не против.

Тепло одевшись, я посоветовал Герасиму сделать то же самое. Он послушался. Когда мы вышли на улицу, он улыбнулся, теперь уже по-настоящему. Почему же раньше он просто стоял у окна, вместо того, чтобы выйти? Я привел его на то место, где мы постоянно сидели с Чеховым.

— Здесь пахнет куда лучше, чем внутри, правда?

Он кивнул.

Значит, никакой он не дурак, он все прекрасно понимает. Я достал пачку и протянул одну сигарету ему. Герасим замешкался, но не отказался. Я поднес спичку сначала к своей сигарете, а потом к его. Он затаился, закрыл глаза и секунд десять не выдыхал дым.

Герасим рассматривал все вокруг и улыбался. Сколько он уже здесь? Выходил ли он хоть раз на улицу за все время? Мне почему-то казалось, что нет.

Я не стал ничего спрашивать у него. Мы просто сидели, как старые друзья, выдыхая дым куда-то вдаль.

Почти семьдесят.

Глава ?

В тот день мне нужно было идти на работу. Я собирался, Чайка и Егор уже не спали, а готовились к очередному безумному трипу. Меня это начинало подзаебывать, но я ничего не говорил.

— Может, не пойдешь сегодня? — спросил Чайка.

— Остался бы, — говорю, — но на работе меня съедят.

Они возились на кухне, готовили сразу завтрак, обед и ужин, чтобы не тратить время потом.

— А может, ты бы сегодня взялся за свою книжку?

— Завтра, — говорит Чайка, — думаю, еще неделька и закончу.

Я попрощался и ушел на работу. Если бы я остался – ничего бы не изменилось. Сколько раз я об этом думал? Пытался отыскать в памяти что-нибудь такое...но ничего такого не находил.

Я просто сказал:

— До вечера.

А потом вышел, даже не улыбнувшись. На работе я не думал ни о Чайке, ни о Егоре. Я раскладывал товары по полкам, получал советы от каких-то дегенератов, и при этом приветливо улыбался.

— Куда вот эти странные апельсины? — спрашивал я, а мне отвечали, что их нужно отнести туда, где лежат киви.

— Спасибо.

Даже возвращаясь домой, я ничего не чувствовал. Да и что я должен был почувствовать?

Дверь была опечатана. Я просто сорвал ленту и открыл дверь своими ключами и вошел внутрь. В квартире стоял такой же дубак, что и на улице. Окна были открыты, и ветер разбрасывал всякие листики по комнате. Ни Егора, ни Чайки... Я вошел в комнату, кресло стояло возле кровати.

Это что еще такое?

Первым делом я закрыл все окна, а потом позвонил Егору. Телефон отключен. Я набрал Чайку и через несколько секунд услышал, как где-то под кроватью пиликает его телефон.

Все происходящее казалось каким-то нереальным. Осмотревшись, я понял, что исчез бонг и все подобное, хотя еще утром — я уверен — все было в квартире. Я подошел к холодильнику, открыл морозилку и достал оттуда две пластмассовых банки из-под кетчупа. Они были пусты. Исчезли все заначки Егора, думал я, проверяя остальные места в доме.

Или их забрали, или Егор сам все слил. Почему квартиру опечатали?

Что, сука, тут вообще произошло?

Егор молчал уже минут пятнадцать. Он сидел в кресле и просто пялился в пол, пальцами теребя застежку на своей кофте.

Не было ни злости, ни сил.

— Так и будешь молчать?

Он поднял голову, посмотрев на меня как-то странно. Во взгляде этом была такая жалость и тоска, что мне даже стало его немного жаль.

— Что сказать? — промямлил он.

— Ты где был все это время?

— В милиции.

— Почему отпустили? Неужели в хате ничего не нашли?

— Я все слил. Успел слить.

— Молодец.

Я встал и пошел на кухню. В холодильнике я взял две банки пива и вернулся обратно. Одну я кинул ему, а вторую открыл сам и тут же осушил почти полбанки.

— Оболонь — такое говно.

Я ничего не ответил.

И тут Егор начал говорить, так быстро, словно за ним кто-то гнался:

— Так не должно было случиться. Все пошло не так с самого начала. Я не знаю, что произошло. Мы начали кашлять, а это типа хуево, когда кашляешь — это все, финиш. И он тоже кашлял, сильно. Он опустил одну банку и потух. Я тоже. Хотя я постоянно

пытался спрашивать у него, типа как дела, чувак, но он все время молчал. Где-то полчаса, чувака, ни звука за полчаса.

— Дальше что было?

— Я всего не помню, ты должен понимать. Меня убило так, как никогда не убивало до этого. Это было типа какое-то новое говно, типа суперубийственное. Я помню, что не знал, чо с ним такое происходит. У меня не получалось отличить происходящее, то есть, я не понимал, то ли ему действительно хреново, то ли мне просто кажется.

Он отпил немного пива и продолжил:

— Потом его отпустило. Чайка поднял голову и сказал: «Это что-то совершенно безумное». Так и было, чувак. Я уже тоже мог нормально соображать, ну типа в себя пришел и все такое. Мы похавали, а потом он предложил повторить, зуб даю, он сам предложил. Я сразу не хотел, мол, мне не особо впечатления понравились, но на самом-то деле я просто испугался, зассал просто-напросто. Потому что это реально что-то совершенно безумное... Ну вот... Мы включили какой-то фильм и хапнули еще раз. В этот раз было еще хуже. Убило просто насмерть, я думал, что сойду с ума, что меня не отпустит. Чайка сначала был таким бодрым, но его очень сильно натупило и он опять все время молчал.

— В смысле?

— Ну, он замолчал. Потом каким-то образом перебрался на кровать, нес какую-то чушь и все такое...

Я не мог избавиться от воспоминаний, прицепившихся ко мне. Они раздавливали меня.

Вспомнил ту ночь, когда лишился ног. Я лежал там, думая, что умираю. Я смотрел на себя как бы со стороны.

Он лежит, истекая кровью. Лежит один. Почему он один? Он пытается отползти. Зачем? Он думает, что лежит на рельсах? Я действительно так думал, мне казалось, что сейчас будет ехать еще один поезд, что этот второй поезд убьет меня окончательно, но я все равно пытался отползти. Тогда я не думал ни о чем, не думал даже о том, что не смогу самостоятельно сходить в туалет. Он убежал. Во всяком случае, мне так показалось? Я лежал и думал о том, что он меня бросил, но я его не винил, я помню. Состояние моего ума изменилось настолько, что таких чувств, как вина, жалость, любовь, их просто-напросто не было, они куда-то исчезли. Я не понимал, сколько прошло времени, прежде чем приехали родители, а потом скорая. Я увидел их лица и все. Больше ничего. Тогда-то я впервые подумал о том, что умер.

Молф убил Нурика – атмосфера накалена.

Реальность раскручивалась все сильнее, раз за разом убегая все дальше. В голове крутилась эта дурацкая песенка про Молфа и Нурика, я не понимал, кто это такие, но мой мозг думал, что это самые важные персоны в моей жизни.

Я очнулся в больнице и пожалел о том, что не умер. Боль была такая, что жизнь казалась таким незначительным пустяком, что я с удовольствием пустил бы себе пулю в башку. Но боль – не самое страшное. Я думал о том, что больше никогда не смогу ходить, и это самое ужасное. Я буду прикован к инвалидному креслу. Чтобы пописать, лечь в кровать, спуститься вниз — нужно будет хорошенько поработать, а я не хотел. Я хотел, чтобы все это было сном, выдумкой, чтобы эта книга закончилась, и я вернулся обратно в свою жизнь. Но шли месяцы и ничего не менялось.

Молф убил Нурика – атмосфера накалена.

Егор сидит и пялится в одну точку. Так хуево мне не было никогда. Я не могу пошевелиться, вернее могу, но все дается с таким трудом, что ничего делать не хочется.

Нужно подзавязать с этим говном. Нужно вновь взяться за писанину. Я сидел там, охуевая, не понимая, что происходит, но я отлично знал, что ничего не стою. Кто я такой? Безногий урод, который думает, что допишет роман и станет известным и популярным. А что? Я действительно так думаю, просто не говорю этого вслух. Но я ничего не делаю для того, чтобы мою писанину кто-то увидел... Мы – ничтожества. А Егор? Кто он такой? Чем он занимается? Он просто барыжит.

Я не могу вспомнить имени своего брата. Я не могу вспомнить имени того человека, который прошел со мной через все это. Кто я после этого? Но как только я переставал об этом думать, этот факт уже не казался мне таким страшным. Он просто исчезал. Отпустит – вспомню. Но я был уверен, что в этот раз не отпустит. В груди болело. Я понимал, что это ненормально, так не должно быть. А если я умру? А почему такого быть не может? Почему ты не можешь умереть? А я почему не могу?

Могу. Еще как могу.

Если я не умер тогда под поездом, это еще не значит, что я живу для чего-то большего, это не значит, что я стану кем-то великим, это всего-навсего значит, что мне повезло. Жизнь построена на случайностях, и любой, кто думает иначе — идиот.

Мне нужно было как-то уцепиться за реальность, и я вспомнил Таню. Почему именно она? Я ничего к ней не чувствовал. Вообще. Но вспомнил я именно ее.

Я вспомнил, как мы нашли труп. Вспомнил его стеклянные глаза и синюю кожу. Вспомнил, как я поступил с Таней. Как уехал, оставив ее, хотя мог еще целый год сидеть дома, привыкая к тому факту, что я больше никогда не смогу бегать. А я взял и свалил. И именно поэтому я вылетел из института. Я ничего не успевал. Нужно было подняться, собраться, позавтракать, а потом самое тяжелое — спуститься. Лифт часто не работал, а спускаться по лестнице – не вариант. В общаге мне иногда помогали спускаться, но это унижительно и очень быстро я от этого отказался. А потом я переехал в эту квартиру. Когда я жил в общаге, мне нужно было просто выбраться на улицу, и я почти на месте. Но когда переехал, то мне приходилось ездить на маршрутке. Я съездил так всего один раз и забил. Это сложно. Люди не всегда горят желанием помочь тебе залезть в маршрутку, каждый старается отойти подальше и предоставить честь помочь кому-нибудь другому. И я их прекрасно понимаю, я бы сам не стал помогать какому-нибудь инвалиду.

А потом..

— Чайка? Чайка, с тобой все в порядке? Тебе хуево?

Да. Очень. Но говорить не хотелось вообще. Казалось, я сейчас вновь вырву.

Я вспомнил, как отец попал в больницу, и как перед этим я пришел домой пьяным, как ЧИП. Вспомнил ту ссору, когда родители кричали друг на друга, и даже батя. А потом он ушел в мастерскую, где сердце его немного подвело. И потом, и потом, и потом. Все остальное: ожидание звонка, больница, радость. Я все это вспоминал. Вернее, переносился обратно в то время, когда все это произошло, и словно стоял в стороне.

Наша комната казалась мне чужой. Тетради и блокноты, лежащие на кровати тоже казались мне чужими, хотя я точно знал, что они мои. И Егор больше не казался мне другом. Еще никогда мне так не хотелось кого-то ударить, я хотел вскочить и разбить ему лицо. Почему — не знаю.

Мне очень паршиво, так паршиво не было никогда. Я не мог уследить за биением своего сердца, я пытался отыскать пульс, но его словно не было, во всяком случае, я его не чувствовал. И это меня пугало больше всего. Сколько прошло времени? Мне казалось, прошло не меньше часа. Я взглянул на часы и... семь минут, прошло всего семь блядских минут.

Потом мне показалось, что я теряю сознание, но нет, я его даже не находил. Вместо того, чтобы рухнуть в обморок, я словно проснулся, оказался в своей постели там, дома. Я слышал, как мама звала завтракать. Я спустился вниз, отец сидел и читал газету, дожидаясь, пока мама накроет на стол. И я понимал, что кого-то не хватает, но мама все равно продолжает накрывать на стол. Она ставит три тарелки, рядом три вилки.

Что происходит? И вот мама насыпает в мою тарелку какую-то кашу, и я понимаю, что здесь явно что-то не так. Я вскакиваю из-за стола. У меня есть ноги. Это не я. Тот, кого не хватает за столом — это я сам! И как только я понимаю это, я сразу же возвращаюсь обратно в нашу квартиру. Я и Егор опять сидим в нашей комнатке.

Я умираю.

Других мыслей не было. Только эта.

Его звали А.! Я вспомнил. И тут же вернулся обратно в свой дом, на кухню. Теперь на столе стоит четыре тарелки, мама все еще что-то возится за плитой. Отец больше не читает газету, он о чем-то с нами разговаривает.

— Чайка! Чайкаааа! — кричит Егор, вырывая меня из этих воспоминаний.

Я не собираюсь ему отвечать.

— Я не хотел так поступать, — говорю, — так получилось. Я не мог больше оставаться дома, ты понимаешь? Мне надо было уезжать. Я был обууззой! Обузой! ОБУУУЗОООООООЙ!

Слова вырываются, несмотря на мое нежелание говорить.

— Я так не хотел!

Егор трясет меня, пытаюсь привести в чувство. Но со мной все нормально, кажется..

Молф убил Нурика — атмосфера накалена.

Нет, не нормально. Песенка опять возвращается, утаскивая меня все дальше от реальности, мне не за что зацепиться. И я улетаю, а Егор остается здесь.

Все.

Вокруг слишком темно. Я не думаю ни о чем, потому что думать не получается. Я могу только спокойно наблюдать за темнотой. А потом я чувствую, как что-то касается моей груди. Мрак исчезает мгновенно, я вижу солнце и какого-то паренька. Я откуда-то его знаю. Меня подбрасывает и я лечу прямо в этого паренька, оказываясь внутри его головы. Я вижу то, что видит он, и не только. Я чувствую и ощущаю все не так, как ощущал раньше, все чувства — это его чувства. Он боится. Он смотрит на труп, синий труп. «Бляяяя», — вскрикивает он и отпрыгивает от мертвеца.

Я опять в своей комнате, меня тошнит, глаза закрываются, в груди печет.

В груудии печет.

А МОЛФ УБИЛ НУРИКА АТМОСФЕРА НАКАЛЕНА

Стоп.. МОЛФ УБИЛ НУРИКА АТМОСФЕРА НАКАЛЕНА. Я... МОЛФ УБИЛ НУРИКА АТМОСФЕРА НАКАЛЕНА...Егор... МОЛФ УБИЛ НУРИКА АТМОСФЕРА НАКАЛЕНА..комната вращается... МОЛФ УБИЛ НУРИКА АТМОСФЕРА НАКАЛЕНА...

МОЛФ УБИЛ НУРИКА АТМОСФЕРА НАКАЛЕНА

Все.

Глава ?

Я здорово подружился с алкоголем. Когда грустно — виски. Когда грустно — вино. Когда грустно — пиво. Когда совсем хреново — водка. А грустно мне было очень часто. Целый месяц я работал, таская тяжелые ящики со всяким дерьмом, расставляя продукты на полках, убирая в магазинах, открывая дверь каким-то мажорам, а потом целый месяц сидел дома и заливал в себя горечь.

Я ни разу не сходил на его могилу. Все время доходил до входа в кладбище, а потом поворачивал и шел куда-нибудь в другую сторону. Я не могу это объяснить, решение принималось где-то внутри. Хотя кого я обманываю? «Внутри» — больше не существовало, не могло уже существовать. Кто-то назвал бы это душой, но не я. Может, она когда-то и была, но больше ее нет. И черт с ней.

Так шли целые годы. Я ничего не менял.

Почти пятьдесят.

Когда-то черные волосы на моей голове стали совсем седыми. А я и не заметил этого. Это звучит совершенно по-идиотски. Как это, скажете вы, кто-то мог не заметить, что он постарел? А вот так. Я был стариком уже в двадцать пять, что говорить о пятидесяти? Но мне насрать — что двадцать, что пятьдесят.

— Как мама? — спросил я у отца.

По телефону, конечно. Я не видел их с того самого дня, когда убежал с кладбища. Когда я напивался — я думал, что поступаю неправильно, винил себя. Но начинался новый-старый день и я понимал, что ничего такого не сделал. У них хватало своих проблем. А мама. Она не плакала на кладбище, но отец говорил, что она не сказала ему ни слова. И я не понимал этого. Он-то тут при чем? Она иногда звонила мне, очень редко, но все же. Каждый раз мы разговаривали не дольше двух минут, мама больше не кричала, никогда. Во всяком случае, я не слышал.

— Она неплохо, но рак добрался до мозга, и временами ей совсем худо. — говорил отец.

Рак пришел уже давно. Он постоянно отступал, словно желая, чтобы она помучилась подольше. Но теперь, похоже, взялся за маму основательно. По словам отца, ей было все равно. У нее давно был новый муж, вернее просто мужик, с которым она жила. Однако, когда появился рак, отец частенько к ним навещался, чему тот второй мужик не возражал. Это очень странно.

— И сколько ей осталось?

Я смирился с тем, что несомненно умру сам, почему же я не должен смириться с тем, что и мама умрет, только раньше?

— Точно никто не говорит. Но прогнозы не слишком утешительны.

Она уже несколько месяцев не вставала с постели. Я понимал, что скоро наступит конец. Но это не самое паршивое. А знаете что? То, что я настолько отвык от этих людей, что мне было все равно. Поэтому, когда однажды батя позвонил и сказал:

— Мама умерла.

Я просто ответил:

— Спасибо, что сказал.

А сам пошел и нажрался так, как до этого не нажирался никогда. Хотя, кому я вру? Нажирался.

Вот так и уменьшалось количество людей, хоть как-то со мной связанных. Они умирали, оставляя меня одного. Почему не умирал я? Не понятно. Но я жил себе. Жил, как раньше.

Почти пятьдесят.

Вернее сорок шесть. Мне было сорок шесть, когда она умерла. Это я точно помню.

И даже тогда я не стал ничего менять. Просто плыл по течению, наслаждаясь холодными водами жизни. Естественно, иногда встречались камни, о которые меня било, ну и что? Иногда мне нужна была такая встряска, чтобы понять, что я еще живой.

Знаете, когда я понял, что я — самое настоящее ничтожество? Когда устроился работать в какой-то занюханый ларек. Мне объяснили, что нужно делать, я ответил, что согласен. Я просто сидел там целый день, слушая музыку, пока в окошко не стучал очередной туповатый школьник или какой-нибудь тип в костюмчике с галстуком.

— За семьдесят есть? — спрашивал кто-то.

— Есть за семьдесят пять.

— Давай.

Они выкладывали деньги, а я доставал из-под прилавка серебристый пакетик, на который до этого лепил наклейки типа «Фен-шуй аксессуар». Такой бизнес процветал, потому что менты не могли вообще ничего сделать. Единственное, на что они способны — это изъять весь товар, который находится в ларьке, а его, должен сказать, всегда было мало, потому что мы тоже не идиоты, не хранили все в одном месте. Вот, например, изымают менты один такой пакетик у нас, отправляют его на экспертизу. Там они сверяются, есть ли такое вещества в списках. Если нет, то они отправляют его еще на какой-то анализ, чтобы узнать, психотропный это препарат или нет. Если да, то его добавляют в списки. И что? Пока они делают все эти штуки, состав вещества успевает смениться раза три минимум, поэтому предъявить ничего они нам не могут. Примерно так мне объяснили схему, когда я устроился сюда на работу.

Понимаете? Я продавал наркоту, как горячие пирожки.

Чайка курил именно такое говно.

Вот почему я ничтожество, понятно?

А я сидел там и писал на пакетиках всякие буквы. Н — 50 гривен, R — 70 гривен и X — 195 гривен.

Но проработал я там недолго. Вплоть до первой облавы. Меня забрали в ментовку, начали угрожать, задавать тупорылые вопросы, давить на жалость, мол, тебе не стыдно травить школьников. А почему мне должно быть стыдно? Если кто-то курит такую дрянь, значит, в его жизни есть проблемы посерьезней, чем несуществующая зависимость от синтетического каннабинола. Естественно, меня отпустили, мой начальник даже извинился передо мной за все. Я сказал, что хочу уйти, потому что такая работа не для меня, он не стал возражать, а просто протянул мне конверт, в котором лежала моя зарплата за этот и следующий месяц.

— Спасибо, — сказал я, — может, еще увидимся.

Он пожал мне руку, и больше мы никогда не виделись.

А вы представляете реакцию школьника, намеревающегося купить травы, когда он видит, что в ларьке сидит какой-то дед с бородой, как у Льва Толстого? Преувеличиваю. Как у Достоевского.

Как бы там ни было, я ушел от этого, но меньшим ничтожеством чувствовать себя не стал.

Я учился экономить. С деньгами в конверте мне удалось продержаться несколько месяцев. Я немного успокоился. Перестал шастать по барам, да и пить почти перестал. Нет, конечно, я мог позволить себе бутылочку пива под вечер, но я не напивался, как раньше. Записался в библиотеку, куда частенько заглядывал и брал всякие книжки. За год я прочитал почти все романы Кинга, кроме «Ярости», нигде не удавалось достать ее. Мне понравилось то, как этот мужик мог развить хиленькую идею на огромный роман, причем сделать это так, чтобы эта идея уже не казалась хиленькой. Единственная книга, которую я терпеть не мог — это «Библиотечная полиция», не знаю почему, но я очень ее невзлюбил. Время от времени я писал какие-то рассказы на той печатной машинке, которую я купил много лет назад. Например, я написал рассказ, в котором пытался открыть одну ситуацию с другой стороны. Я где-то вычитал, что Кинга в 99 году сбита машину, мне захотелось написать об этом, но написать от имени того мужика — Билла Смита. Почему так произошло? Что он делал перед этим? Как он жил? И все такое. Я написал, но закинул этот рассказ в шкаф, так и не отослав его никуда. Честно сказать, он вышел не самым крутым.

Не понимаю, почему все рассказы получались такими злыми. Это получалось само собой и особо меня не беспокоило, но когда я перечитывал все, что написал, замечал, что мои истории – злые. Про парня, который был болен СПИДом и втыкал зараженные иголки в других людей, про каких-то подростков, которые выкопали яму, куда упал какой-то турист, про мальчика, которого замуровали в стену, и все в таком духе. Поэтому я отбросил это занятие, подумав, что могу просто читать книги, не стараясь создать что-нибудь свое. Так я и делал.

В той библиотеке можно было найти все что угодно. Абсолютно. Начиная русской классикой, и заканчивая постмодернистскими выплесками Пелевина, Нащекина, Неонова и других.

Библиотекарем была приятная женщина бальзаковского возраста. Филолог. Понимаете, да? Я так часто ходил за книгами, что она подумала, будто я хожу к ней. Но ничего такого я не планировал. Она начала улыбаться мне, когда я заходил.

— Здравствуйте! — обязательно говорила она.

— Здравствуйте. — отвечал я, стараясь как можно быстрее выбрать книги и свалить отсюда.

Она была ничего, поверьте, даже очень. Но я так перепугался того, что у нас может что-нибудь закрутиться, что исчез и больше там не появлялся. Я пошел в другую библиотеку, не такую хорошую, но все-таки. Здесь работала бабка, которая явно не могла претендовать на мою личную жизнь. Интересно, та библиотекарьша расстроилась, что я больше не приходил?

Чем больше я читал, тем больше уходило сигарет. Например, если я читал Тургенева, то в день уходило полпачки красного «Винстона», если же читал Гоголя, то стабильно выкуривал пачку в день. Но если я читал Достоевского, то двух пачек как ни бывало. Потом я перешел на фантастику. Читая Уэллса, курить не хотелось вообще, но я закрывал книгу и скуривал штук шесть к ряду. Филипп Дик и Стругацкие заставляли меня дыметь как сумасшедшего. Попадались и такие книги, после прочтения которых хотелось курить только потому, что я прочитал какое-то говно. Такое бывало редко, потому что почти все, что я читал, мне нравилось. Во всяком случае, я мог найти почти в любой книге что-то реально крутое и уникальное. А если не находил – то брал любой рассказ Шекли или Лема, читал его и шел курить.

Должен сказать, что у меня был старенький компьютер, с помощью которого я искал всякие статьи и книги, которых не мог найти в библиотеке. Но, читая текст с компьютера, я замечал, что глаза слишком быстро устают, поэтому включал я коробку не очень часто.

Почти шестьдесят.

Время от времени я созванивался с отцом. Мы редко находили общие темы для разговоров, а теперь тем более. Но даже этого неловкого молчания в трубке мне хватало с головой. Однажды мы с ним встретились, я пригласил его к себе домой.

Мы сидели, попивая пиво, перекидывались какими-то фразами и все такое. Это был очень приятный вечер.

— Ну, как ты поживаешь там?

— Ничего не делаю, — говорит он, — вообще ничего. Смотрю телевизор, готовлю изысканные блюда...

Мы хорошо посмеялись в тот вечер. Он сказал, что скучает по Чайке, скучает по маме. Я обнял его. Впервые в своей жизни обнял своего отца. И в последний раз.

А потом он ушел.

И эта встреча, знаете, если бы я прочитал о такой встрече в книге, я скурил бы три или четыре сигареты, но это произошло со мной — и я выкурил всю пачку.

Почти семьдесят

Я и Чехов поехали туда, где я провел свое детство.

Когда я сказал ему об этом, он не стал говорить ничего, только одобрительно кивнул. Наверняка он понял, что дела мои оставляют желать только лучшего. Так оно и было.

Мы сидели в парке, на той же скамье, что и всегда. Курили. Как обычно.

— Снились родители, — произнес я, — хочу поехать туда.

Мы выехали в субботу утром, он был за рулем. Я не умел водить машину и ни разу в жизни об этом не пожалел. Я помню, как раньше мама уговаривала меня пойти и сдать на права, а я отвечал ей, что у меня все равно никогда не будет автомобиля. Так оно и случилось.

Почти все время мы ехали молча.

— Волнуешься? — спросил Чехов, когда мы уже приближались к тому месту, с которым связано все мое детство и все самое хорошее и самое страшное, что случилось в моей жизни.

— Ни капли, — солгал я.

А сердце работало, как отбойный молоток. Мы медленно проехали старую, ржавую арку, говорящую, что мы въезжаем в А-поль. На горизонте показались два длинных, невысоких здания, стены которых были увешаны колючей проволокой. Справа было большое кладбище, вход в которое было закрыто большими черными воротами.

Половина домов были близки к тому, чтобы вот-вот рассыпаться, людей практически не было.

Все изменилось.

И это действительно так.

В голове вспыхивали картинки, как я со своим другом — Давидом — строили здесь землянки, халабуды на деревьях, а теперь все дома и так похожи на неумело построенные халабуды.

Мы проехали улицу, где я жил, чтобы вернуться сюда потом.

Остановились мы возле розового здания с разбитыми окнами и заросшим садом. Так, где раньше росла малина, ежевика и клубника, теперь растет только бурьян и другие паразиты.

Это школа.

Асфальт во дворе оброс травой настолько, что двор больше походил на заброшенное футбольное поле.

Дверь открыта, я захотел войти. Чехов пошел со мной.

Ранее красивые и величественные колонны в холле теперь превратились в обшарпанные стручки, нелепо торчащие из разбитого и загаженного всяким мусором пола.

Я ходил по коридору, заглядывая в кабинеты. Зашел к директору, где раньше вечно стоял непроглядный туман из табачного дыма. Я закурил сигарету, дымел, даже не вдыхая, чтобы кабинет опять стал таким, каким я его помню. Но был только дым. Грозного и одновременно очень сдержанного директора не было. Того самого, который смотрит на тебя взглядом, проникающим прямо внутрь. И ты больше не чувствуешь себя таким смелым, каким чувствовал себя там, с другой стороны теперь уже отсутствующей двери.

Кабинет математики.

Кабинет географии. Химии. Я заглядывал в каждый. И каждый из них дарил мне ту далекую частицу детства, моего детства.

Наверное, все сходят с ума в старости. Иначе я не могу объяснить все это, все эти сопли. Когда я был сопляком, все старые пердуны грустили по долбанному советскому союзу. «Раньше было намного лучше», — говорили они, вытирая вытекающую у них изо

рта слюну. Тогда я не мог этого понять, особенно если учитывать, каким дерьмом античеловеческим этот союз был. Но сейчас до меня дошло. Они лили слезы не по СССР. Они грустили и оплакивали свою навсегда утраченную молодость.

Вот и я. Стоял там внутри старой, разбитой школы и чуть ли не рыдал, как безмозглая выпускница-отличница.

Хорошо хоть не заплакал.

Потом мы пошли в парк, который посадили еще немцы во время второй мировой.

А вот парк почти не изменился, сразу на входе стоял серый небольшой памятник в честь погибших немецких солдат. Я подошел к нему и в самом его центре увидел нарисованную свастику. Я не помню когда я это сделал, но отлично помню, что тогда очень увлекся всей этой нацистской символикой, слушал гимны и тому подобное, за что нередко оказывался в прокуренном кабинете того самого режущего взглядом директора.

Пустые пластиковые бутылки с дырками, бутылки из-под пива и водки – все это осталось, никуда не делось, и в то же время красивые высокие дубы и каштаны — это рождало какое-то смешанное чувство внутри.

Все это время мы ходили молча, Чехов словно чувствовал, что лучше помолчать. Мы прошли там, где раньше стояла небольшая карусель, где после школы собирались всякие парни и девчонки. Теперь на том месте просто лежало огромное колесо от Т-150. Чуть дальше в парке мы подошли к еще одному памятнику — огромному камню, на котором была вырезана советская звезда. Он весь порос мхом и травой, но все равно от него за километр несло гордостью, не за союз, а за людей. «Помним и гордимся», — гласила раньше надпись на плите рядом с памятником, но слова давно стерлись, а плита потеряла свой черный, как сама ночь, цвет.

Я помню, как мы брали великолепно сделанные деревянные макеты АК-47 и бегали по этому парку, прячась в кустах и за памятниками.

Я помнил всех своих лучших друзей, которые остались лучшими только в детстве.

Я помню тебя, Михальченко Сергей, помню как ты не хотел сбривать свои усы вплоть до выпускного. А ты, Сергей Разумницкий, помню как в младших классах ты плакал, потому что получил восьмерку, а уже позже ты сам смеялся над этим, и перестал даже портфель брать в школу. И ты, Влад, тебя я тоже помню, как вечно ты лупил меня, пока мы не подружились.

— А вас, Веталь, Рыжий, Саша и Игорь, я уже никогда не забуду.

Эти слова я произнес вслух, хоть и тихо. Чехов посмотрел на меня, но ничего не сказал, только улыбнулся.

Не знаю, сколько я стоял около того памятника, но окурки все падали и падали мне под ноги. Как слезы?

Забавно.

Много воспоминаний пролетело у меня в голове, они захватили меня так, что если бы не Чехов, я бы остался тут еще надолго, навсегда, может. Просто стоял бы там, пуская дым, но Чехов тронул меня за плечо и произнес:

— Может, хочешь заехать домой?

Я всем сердцем надеялся, что там никто не живет.

— Очень хочу.

Я смотрел на свой дом и мне казалось, что он совсем не изменился. Да, крыша немного осела, краска на окнах облупилась, но в остальном все было не так уж и плохо. Наверное, здесь кто-то живет, подумал я и хотел было сказать Чехову, что лучше бы нам

уехать отсюда, но тут дверь легонько приоткрылась, словно приглашая меня — именно меня — войти.

И я не смог не принять этого приглашения.

Я вошел.

И наткнулся на какую-то женщину. Все-таки здесь кто-то живет.

— Извините нас, пожалуйста, — пробормотал я, — мы не знали, что здесь кто-то живет...

Все рухнуло. На что я мог надеяться? Да и зачем мне этот дом? Я думал обо все этом и смотрел этой женщине в глаза, которые сжирали меня целиком. Потом Чехов мне скажет, что в тот момент он почувствовал себя лишним. Я не мог понять, откуда у меня взялось такое чувство, что я ее знаю.

Эти неумело окрашенные черной краской волосы, эти карие глаза, все это почему-то казалось мне чем-то родным, очень родным. Она чувствовала то же самое? Разве нет?

— Это ты? — спросила она и обняла меня, не дожидаясь ответа.

Это был я. Это точно.

Я рассматривал свой дом, заглядывал в каждый уголок. Мало что изменилось, она пыталась сохранить все таким, каким оно было тогда, много лет назад. Естественно, обои, мебель, все это было новым, но это не имело абсолютно никакого значения.

Я зашел в отцовскую мастерскую, там пахло дымом и казалось, что где-то там спрятался отец, словно не хочет, чтобы его видели. Я боялся что-либо трогать, чтобы ничего не сломать, ничего не перепутать, чтобы отец потом не искал нужных ему запчастей и инструментов где-то под столом. Я не хотел, чтобы он нервничал. В мастерской стояла тишина, только пачки из-под сигарет хрустели под ногами. Словно я вновь вернулся в детство, теперь уже по-настоящему. Конечно, я понимал, что могу хоть перевернуть здесь все вверх дном, никому от этого хуже не станет, отец нигде не спрятался, он просто умер. Все умерли. А я чего до сих пор дышу? Я раздавил пустую пачку красного «Винстона» и вышел. Накинул на дверь ржавый китайский замок и защелкнул его навсегда.

А потом я сидел за кухонным столом, и невыносимая тоска ела меня на ужин, за моим же столом! Почему? Почему так происходит, когда возвращаешься туда, где все начиналось? Пускай через много лет. У меня не было ответа и вряд ли он есть у вас. Я просто сидел, пока Чехов и та женщина сидели в гостиной.

Сколько лет прошло, а она все так же красива, как и тогда. Может, я просто смотрел не на ту старую женщину, которую видел перед собой? Может, я просто смотрел на ту девочку из детства. Наверное.

Мама больше не кричала.

Там, где раньше стояла Чайкина кровать, теперь был большой шкаф. Отодвинуть его было непросто, но я знал, что за ним меня ждет сюрприз. Я оторвал кусок плинтуса, продавил обои. Просунув руку в образовавшуюся дыру, я достал небольшую стопку бумаг, связанных желтой резинкой. Убедившись, что я ничего не пропустил, я взял все листы и сел на кровать.

Это были его рассказы. Первым мне в руки попался «Холодный плен», я помню как Чайка радовался, когда дописал его. Дальше шли небольшие кусочки, отрывки других рассказов. На одном из листов было написано «Сборник рассказов «Совершенно секретно»». В университетские годы Чайка показывал мне парочку, только сборник назывался немного иначе, как именно — вспомнить не могу. Но то, что я нашел в самом низу... Не передать, что я почувствовал, словно ток прошел через все мое тело...

Тебе, будущему, взрослому

«Ну, что ты? Уже взрослый? Уже так же насупил брови, нацепил серьезное выражение лица? Как и все переживаешь по пустякам, работаешь на ненавистной тебе работе? Если это так, то ты полный мудака, Чайка. Никогда не бросай писать. Это ведь единственное, что тебе действительно нравится, я же лучше знаю, поверь. Плаванье помнишь? Очень ли оно тебе нравилось?. Как и весь спорт, так ведь?

Естественно, тебе не будет легко. Особенно теперь. Твои ноги ушли к другому, ну и черт с ними, забудь! Они не вернуться. Забудь обо всем, что с ними связано, мужик.

Пиши всегда, ладно?

И береги их, ладно? Ты знаешь о ком я. Они – единственные кто тебя поддерживают, ты никому кроме них не нужен.

Держись и не раскисай.

P.S. Твои ноги не чешутся, забудь об этих глупостях.

Всегда твой, Чайка».

Он действительно был таким сильным, каким мне всегда казался, подумал я, и отложил все листы в сторону. Я не стал показывать это никому, мне казалось, что даже мне не стоило это читать. Читать чужие письма – нехорошо, вроде бы так учила мама?

А потом я сделал то, ради чего сюда и приехал. Из внутреннего кармана своего пиджака я достал аккуратно свернутую рукопись. Ту самую, которую Чайка не успел закончить. Я положил «Холодный плен» к остальным его листам, замотал все резинкой. А потом положил на место и подвинул шкаф обратно к стене.

— Это твое. — прошептал я.

Было еще одно место, куда бы мне хотелось заглянуть прежде, чем уехать отсюда навсегда. Я спустился к ним в гостиную и сказал:

— Пойдем, Чехов.

Таня посмотрела на меня. И я не смог не добавить:

— Если хочешь, пошли с нами.

Я волновался так, словно опаздывал на какую-то уж очень важную встречу. Я не знал, зачем я туда иду. Просто.

Я шел впереди. Посадка заросла, поэтому пробираться через эти кусты было непросто. А потом тропинка снова выросла, как тогда, в детстве. Для меня пропал и Чехов, и Таня, я шел один, а где-то рядом должен был плестись и Чайка. Он рассказывал мне всякие истории, говорил о том, что у него появилась парочка крутых идей для новых рассказов. А я отвечал, что это замечательно.

— Например, история о том, как безумец приходил на чьи-то похороны и хохотал, — говорил Чайка, — представляешь, что бы чувствовали родственники погибшего? А тот чувак все смеялся бы.

— Жутковато.

Мне и вправду показалось, что он действительно идет рядом, я на секунду перенесся в тот день, когда все произошло.

У меня болело сердце. Последнее время оно болит только тогда, когда я сильно волнуюсь, а сейчас я не волновался. Я просто сходил с ума.

Мы вышли на поляну, в конце которой лежала бесконечная железная дорога, уходящая вдаль. Мне захотелось уйти, убежать оттуда к чертям, но я понимал, что второго раза не будет, мне не нужно будет переживать это еще раз, поэтому я медленно поплелся к тому месту, где все произошло. Все внутри горело и кричало. Вспомнился тот сон, где поезд двигался прямо на меня. Вспомнился его отвратительный, сводящий с ума, скрежет. Но здесь было тихо, я слышал свое дыхание и стук сердца.

Я сел на землю и закурил.

И что теперь? Я не знал, что будет теперь, я просто смотрел вперед, а перед глазами вспыхивали картинки, напоминающие о том вечере, изменившем мою жизнь, жизнь Чайки, жизнь отца, жизнь матери. Как какая-то железяка могла так круто все обернуть?

Глупо, но я ненавижу поезда.

И все.

Я просто сидел там и курил. Затем поднялся, посмотрел на Таню, она плакала.

— Нам пора. — сказал я Чехову.

Он приобнял Таню, чтобы хоть как-то ее успокоить и согласно кивнул.

И больше я сюда никогда не возвращался.

Глава ?

Я произнес всего два слова, когда стоял напротив его могилы. Два слова, хотя простоял там четыре часа. Я хотел сказать что-нибудь такое, что было бы понятно только мне и ему, именно над этим я и думал.

Но ничего.

Ни одной мысли.

Я впервые пришел к нему, надеясь выговориться, но получилось так, что я просто стоял там и курил.

Я сказал:

— До вечера.

А потом просто ушел. Ушел, понимая, что ненавижу себя за то, что не смог сказать ничего другого.

Но ему было все равно.

Тот Чайка давным-давно мертв, скорее всего, тело его уже давным-давно сгнило, а душа... а ее никогда и не существовало.

Я шел домой и уничтожал в себе желание вернуться, чтобы поговорить. Но зачем? Я не знал. Но вернуться хотелось больше всего на свете. Вернуться, чтобы побыть с ним рядом, чтобы посмотреть на его фото, чтобы сказать парочку теплых слов, которых он все равно не услышит, ЗАТО УСЛЫШУ Я!

Пожалуйста, вернись.

Но я не вернулся.

Эпилог

Она аккуратно срывала рисунки со стен и складывала их в небольшой пакет. Жаль, думала она, жаль, что придется их выбросить, красивые все-таки. Она смотрела на последний оставшийся рисунок на стене. Подпись говорила о том, что здесь нарисован какой-то Чайка, или, может, это имя автора? Женщина бережно отклеила последний рисунок со стены, положила его к остальным, а потом осмотрелась. Слишком тихо. Когда с рисунками было покончено, она стала обыскивать шкафчики. Их было два. В первом она нашла стопку блокнотов и листиков с рисунками, несколько зажигалок, пачку красного «Винстона» и парочку простых карандашей. Все это она сгребла и кинула в тот же пакет. В другом шкафу она нашла что-то странное. Там лежала груда опрятно сшитых между собой желтых, прошедших сквозь время, листов. Надпись гласила «Холодный плен». Времени разбираться во всем этом не было. К тому же, думала она, здесь еще много живых пациентов, или как они любят, чтоб их называли — жильцов.

Заправив простыню, поправив подушку, она взяла пакет набитый всякими странными бумажками, и вышла из палаты.

— Ой... — произнесла она, врезавшись в какого-то мужчину, стоявшего в двери.

— Вы что-то... — она подняла голову, взглянув на свою «преграду» и расслабилась.

— Можно? — спросил он, потянувшись за пакетом.

Женщина, казалось, потеряла сознание, однако все еще держалась на ногах.

— Вы? Разговариваете? Как? Почему же вы...

— Вы разрешите?

Медсестра покорно, все еще находясь в очень странном состоянии, отдала пакет и попыталась выйти из палаты.

— Вы разговариваете! — прикрикнула она. — Нужно рассказать Антону Павловичу!

Она отдала пакет, а сама куда-то побежала. Герасим вошел в пустую палату, подошел к окну и сел за стол.

Шел снег.

Герасим вытащил из пакета пачку и зажигалку, достал одну сигарету, подкурил и глубоко затянулся. Он просто сидел там, выдыхая дым в открытую форточку. Не знаю, о чем он думал, пусть это останется его секретом. Когда сигарета дотлела, Герасим выбросил ее, закрыл окно, а потом встал. Он взял пакет в правую руку, а левой задвинул шторы на окне.

— Удачи. — прошептал он, и вышел из палаты, захватив пакет с рисунками и другими вещами.

Послесловие

Я говорю спасибо всем, кто прочитал эту книгу. Благодарю всех, кто поддерживал меня и помогал, когда роман находился в процессе написания. Спасибо. Без вас бы ничего не вышло.

Ссылки:

- <https://twitter.com/feeeench>
- <http://vk.com/feeeench>
- <http://dystopia.me/author/finch/>

Артур Финч, 11 декабря, 2013.